

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173733 /
1.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ

ТОМЪ СЛХХV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая улица, д. № 36.

1887

5051
480

ЭКСПЕДИЦИЯ ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ . 1879 ГОДА.

(Изъ дневника сапернаго офицера).

Чикишляръ 5-го іюня. Завтра наконецъ авангардъ нашъ выступаетъ. Вчера къ пяти часамъ вечера всѣ вьюки были уже готовы и осмотрѣны начальникомъ штаба и начальникомъ авангарда, а сегодня съ утра поднялась суматоха, предшествующая обыкновенно всякому дальнему движенію. Принимаютъ верблюдовъ, наполняютъ водой бочки, дѣлаютъ послѣднія приспособленія къ наиболѣе удобной укладкѣ вещей и т. д. Солдаты между дѣломъ толкаются около верблюдовъ, объясняются имъ однимъ извѣстнымъ способомъ съ туркменами-верблюдо-возжатыми и перекидываются между собой отрывистыми фразами относительно подмѣченныхъ особенностей въ верблюдахъ и ихъ хозяевахъ.

— Ну звѣрь! скептически восклицаетъ какой нибудь новичекъ.

— Что, братъ, звѣрь?... Ты не больно: только что не красивъ, а ѣхать на емъ чисто рай; идетъ, идетъ и не охнетъ; мы отъ самаго Красноводска съ ими шли; заступається за верблюда уже присмотрѣвшійся къ нему кабардинецъ.

Верблюдовъ приказано начать вьючить въ три часа ночи и по мѣрѣ навьючиванія выводить передъ лагерь. Запасъ провіанта и провизіи, состоящей изъ муки, крупъ разныхъ сортовъ, чаю, сахару, луку, кислотъ, соли, перца, лавроваго листа и т. д., разсчитанъ на цѣлыхъ сорокъ дней; настолько же взято и зерноваго фуража для лошадей. Чѣмъ будемъ кормить въ пути верблюдовъ—не знаю. Кромѣ этого, во вьюкахъ можно найти еще массу вещей отъ желѣзнаго лома до ручной мельницы, отъ французской палатки до парусиннаго ведра. Приспособленія для перевозки воды занимаютъ тоже не послѣднее мѣсто. Завтра ночуемъ въ Ахты-Буюнъ.

Ахты-Буюнъ 6-го іюня. Можетъ быть бываютъ переходы и хуже, но и сдѣланный нами сегодня достался далеко не даромъ. Вышли около шести часовъ утра, пришли около девяти вечера. Сдѣлали вѣроятно верстъ тридцать, но при такихъ условіяхъ каждая верста ка-

жется безконечной. Мы съ Г. поѣхали впередъ и остановились верстахъ въ шести-семи отъ Чикишлара, около устроенной зачѣмъ то вышки, вблизи которой насыпанъ редуть. Подъ вышкой былъ пробуравленъ колодезь, и тутъ же стоялъ неубранный еще воротъ, которымъ вытягивали вѣроятно буравъ. Пить хотѣлось страшно; видъ воды въ колодезѣ еще сильнѣе возбуждалъ жажду, но вода была на разстояніи 2¹/₂—3 аршинъ отъ поверхности, и потому, не имѣя никакого обрыва веревки, достать ее было нечѣмъ. Отрядъ все еще не показывался; мы поѣхали къ нему навстрѣчу, благоразумно рѣшивъ, что около людей все веселѣе, чѣмъ вдвоемъ среди этой безотрадной обстановки. Въ полверстѣ отъ вышки встрѣтили туркменъ проводниковъ, а за ними вдали виднѣлось огромное облако пыли, закрывавшее войска, которыя его подняли.

— Есть вода? спросилъ туркменъ, указывая на вышку.

— Есть.

— Соленая?

— Не знаю: веревки нѣтъ.

Туркменъ кивнулъ головой.

Откуда то изъ степи подѣхало еще человѣка четыре. У нихъ оказалась вода въ кожаномъ мѣхѣ и намъ очень обязательно было предложено напиться. Вода страшно воняла кожей. «Лучше бы и не пилъ», сказалъ Г., осушивъ изрядное количество этой незавидной влаги. Поѣхали назадъ къ вышкѣ. Туркменъ взглянулъ въ колодезь, потомъ на лежащій саженьяхъ въ пятидесяти солончакъ, проговорилъ «яманъ» и началъ связывать веревки, чтобъ зачерпнуть въ лошадиную торбочку воды.

Вода была солона до того, что отъ нея отказались даже лошади. Туркмены, набравъ этого разсола въ ротъ, начали зачѣмъ то прыскать имъ въ глаза своимъ лошадей и затѣмъ всѣ, за исключеніемъ одного, поѣхали дальше. Мы прилегли, а нашъ новый товарищъ поднялъ какое то завыванье, которое нужно вѣроятно назвать пѣніемъ, причемъ закрывалъ глаза, старательно покачивалъ головой и подыгрывалъ на прикладѣ ружья какъ на балалайкѣ. Напѣвши досыта, артистъ занялся ружьемъ: вложилъ патронъ, выбилъ его назадъ шомполомъ, снова вложилъ, и когда мы хотѣли показать ему употребленіе экстрактора, выстрѣлилъ на воздухъ.

Продѣлавъ, повидимому, все, что могъ сдѣлать для нашего развлечения, туркменъ погрузился въ мечтательность, предоставивъ намъ самимъ занимать себя чѣмъ угодно, т. е. поставилъ, было, въ самое безвыходное положеніе, изъ котораго насъ, впрочемъ, скоро вывела прибывшая полусотня Самата, возвѣстившая приближеніе отряда.

Съ Саматомъ прѣхалъ чикишларскій приставъ, рѣшившій устроить намъ проводы, а съ приставомъ прибыла вельтерская вода.

Наконецъ, показался и самый отрядъ, слѣдовавшій въ полномъ безпорядкѣ. Порядокъ не возстановлялся до самаго ночлега, да и трудно было сдѣлать что нибудь, когда жара отнимала, казалось, всякую способность думать и обращала человѣка въ какую-то машину, совершенно произвольно двигающуюся въ ту сторону, куда ее разъ толкнули.

Отдохнувъ немного, мы двинулись далѣе. Не помню, сколько разъ останавливались мы до ночлега, какую часть пути я прошелъ, а какую проѣхалъ, словомъ, не помню ничего, что было часовъ до восьми вечера, когда солнышко, повидимому, уже устало донимать насъ. Пространство между Чикишларомъ и Ахты-Буюнъ представляетъ ровную, твердую поверхность, густо покрытую бѣловатыми пятнами солянаго налета. Ахты-Буюномъ называется мѣсто, расположенное на берегу довольно обширнаго соленого озера, ничѣмъ не отличающееся отъ любого клочка остальнаго пройденнаго пространства: тотъ же солончакъ, то же отсутствіе всякой растительности, тѣ же большія ящерицы, что попадались намъ во множествѣ и на дорогѣ.

Прѣсной воды нѣтъ, если не считать колодца, изъ котораго можно добыть ведра четыре воды, заставляющей желать еще очень многого. Лошадей и верблюдовъ водили поить въ сторону, верстъ за девять, оттуда же привезли воды и на завтрашній переходъ. Вода сильно солоноватая, мутная и не безъ запаха. Завтра идемъ дальше.

Дели-ли. 7-го іюня. Сегодня, въ 12 часовъ, выступили изъ Ахты-Буюна и въ 8—пришли сюда. День сравнительно съ вчерашнимъ не такъ жарокъ; порою набѣгали облачка, а сейчасъ упало даже нѣсколько капель дождя. Эта сравнительная прохлада, впрочемъ, довольно обманчива; понабѣявшись на нее, я не надѣлъ во время перехода башлыка, а теперь не могу дотронуться до шеи: жжетъ, точно кипяткомъ облили. Шли въ совершенномъ порядкѣ и довольно быстро. Страшно сказать, какъ много выпивается воды. Нынче, въ 8 часовъ похода, я выпилъ, вѣроятно, не менѣе шести бутылокъ; какъ прильнешь къ котелку, такъ и тянешь, почти до дна. Выпилъ бы, пожалуй, и до дна, да самому передъ собой стыдно, потому что, на основаніи приказа, слѣдуетъ внушать солдатамъ необходимость умѣреннаго употребленія воды, разъяснить, что если и позволяютъ теперь брать воду изъ боченковъ во время перехода, то это дѣлаютъ въ виду того, что можно найти ее на ночлегѣ, а что впередъ нужно будетъ довольствоваться собственнымъ запасомъ, т. е. одной бутылкой на цѣлый переходъ и т. д.

А между тѣмъ, отнявъ котелокъ отъ губъ, чувствуешь, что ничуть не утолилъ жажды и хотъ сейчасъ-же готовъ выпить еще столько-же. Впрочемъ вода, подобная той, которую пьемъ теперь, способна, какъ мнѣ кажется, скорѣе возбудить жажду, чѣмъ утолить ее. Мутная и соленая—она и на видъ куда какъ не казиста. Закрывши глаза, тянешь ее большими глотками, стараешься поскорѣе спровадить въ желудокъ, но сказать, что это непріятно, все-таки не рѣшаюсь.

Соотвѣтственно громадному количеству выпиваемой воды, громадно и отдѣленіе пота; не смотря на абсолютно сухой воздухъ и высокую температуру, рубашка мокра вся, а мѣстами мокра и блуза. Во время приваловъ, валяясь, набираешь на эти мокрыя мѣста значительное количество пыли, и когда блуза высохнетъ, на ней обнаруживается громадное число бѣлыхъ пятенъ, словомъ, вмѣсто блузы на плечахъ является солончакъ въ миниатюрѣ.

Дели-ли—мѣсто превосходное, по крайней мѣрѣ такимъ оно показалось мнѣ. Имѣется озеро, хотя и солоноватое, но большое и обросшее массой зеленого тростника. Этотъ то тростникъ и подвужилъ меня, главнымъ образомъ. Зелени не видалъ я съ самаго Петровска, т. е. почти цѣлый мѣсяцъ, и потому трудно представить себѣ, съ какимъ наслажденіемъ отдыхали на этомъ тростникѣ глаза, уставшіе видѣть только песокъ да море.

Солдатамъ варятъ ужинъ, употребляя вмѣсто дровъ какое то растеніе, среднее между грубой травой и чахлымъ кустарникомъ. Растеніе это очень пахучее и представляетъ собою пока всю флору.

Гудри. 8-го іюня. Предполагаемая сегодня дневка не состоялась. Поднялись въ 4 часа пополудни, прошли верстъ 12 и стали на берегу Атрека. Отмѣна дневки мотивирована дурнымъ качествомъ озерной воды. Теченіе Атрека довольно быстро, ширина около четырехъ-пяти сажень, глубина футъ 8. Берега рѣки круты и довольно высоки (около двухъ сажень), а персидскій, кромѣ того, поросъ еще камышемъ. На томъ и другомъ берегу есть незначительное количество деревьевъ или вѣрнѣе кустарника, не болѣе двухъ-трехъ дюймовъ въ діаметрѣ.

Желая добыть воду похолоднѣе и почище, вырывали въ аршинъ отъ рѣки колодезь, въ которомъ вода бьетъ очень сильной струей. Стоящіе ниже насъ казаки вырыли тоже не мельче нашего, но у нихъ вода прибываетъ медленно, но за то совершенно прѣсная; у насъ же хотя и не солона, но горька.

Мѣстность отъ Ахты-Буюнъ до Дели-ли и отъ Дели-ли до Атрека вполнѣ похожа на раньше пройденную.

Гудри. 9-го іюня. Сегодня дневка. Верблюдовъ отогнали пасти

куда-то далеко, въ степь, и потому не слышно ихъ постоянного рева, который надоѣлъ, таки, порядочно. Вездѣ разбиты палатки, кромѣ насъ. Наши солдатики почему то не влюбились переносныхъ палатокъ и не хотятъ разбивать ихъ. Нарубили себѣ кустарника, тростника и, понастроивъ шалашей, которые называютъ «холодками», отдыхаютъ себѣ всласть.

Не знаю, что хуже—походъ или дневка? Жара на дневкѣ та же, только въ палаткѣ еще душнѣе, не смотря на то, что она представляетъ простой двускатный навѣсъ, съ двухъ сторонъ совершенно открытый. Солнышко отлично пропекаетъ черезъ полотно, а между тѣмъ, уйти съ кровати лѣнь, да и некуда. Завтра пойдемъ дальше. Ночевать будемъ опять на Атрекѣ.

Баятз-Аджи. 10-го июня. Вышли въ 3 часа утра, пришли около 12-ти. Сдѣлали 23 версты. Та же пустыня, та же жара, та же жажда и истребленіе громаднаго количества воды, не смотря на то, что въ приказѣ по отряду каждый день, аккуратно, рекомендуютъ обратить вниманіе на умѣренное расходование воды.

Расположились на берегу Атрека, въ обширной котловинѣ, окруженной невысокими холмами. Ширина рѣки уменьшилась сажень до двухъ, но глубина, кажется, не измѣнилась. Теченіе также не измѣнилось, высота береговъ возрасла сажень до шести. Берега почти отвѣсны.

Сейчасъ только возвратился съ купанья. Вода тепла, грязна и солона, также какъ и вчера.

Ялы-Олумз. 11-го июня. Вышли, по обыкновенію, въ 3 часа утра. Характеръ мѣстности сильно измѣнился. Перейдя холмы, окружавшіе служившую мѣстомъ нашего ночлега котловину, мы вступили на мѣстность, изрѣзанную балками, до трехъ сажень глубины, что при нашемъ громадномъ обозѣ сильно затрудняло движеніе. День былъ жарокъ до крайности. Солнце жгло въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Ощущеніе этого жара очень похоже на то, которое испытываешь стоя передъ тлѣющими въ каминѣ углями: терпѣть еще можно, но теплота производитъ ощущеніе уже болѣзненное. Особенно доставалось ногамъ. Толстыя подошвы сапогъ нисколько не спасаютъ отъ раскаленной почвы; лежа же на привалахъ, постоянно приходится перекладывать одну ногу на другую, потому что, иначе, страшно горячо. Не скажу, чтобъ привалы доставляли значительное облегченіе: во время движенія жара какъ-то менѣе чувствительна, но двигаться не останавливаясь невозможно, и потому, время отъ времени, поневолѣ ложишься на раскаленную плиту, которую представляетъ изъ себя почва.

Солдаты переносятъ трудности похода довольно хорошо, хотя и

есть слабые и отсталые. Главная причина слабости—разстройство желудка, обусловливаемое, конечно, потреблениемъ громаднаго количества воды дурнаго качества.

Вчера и сегодня на переходѣ слышатся пѣсни, — значить люди понемногу втягиваются въ походъ. И слава Богу, потому что дальше общаются хуже: теперь, по крайней мѣрѣ, воды достаточно, а это составляетъ, какъ мнѣ кажется, очень много, потому что нерѣдко приходится слышать, какъ солдатъ, отрываясь отъ котелка, произносить:

— Ну, вотъ, и ожилъ, а то хоть пропадай!

На привалахъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, бесѣда вертится, главнымъ образомъ, на трудностяхъ похода и новизнѣ обстановки, среди которой онъ совершается. Сегодня, напримѣръ, одинъ попробовалъ, было, провести мысль, что и въ Россіи бываетъ такъ же жарко, но отказался, когда ему было поставлено на видъ, что въ Россіи, какъ бы жарко ни было, а движеніе воздуха всегда происходитъ.

Проводникъ немного ошибся дорогой, и мы прошли версты двѣ за мѣсто ночлега. Пришлось воротиться и, къ довершенію досады, оказалось, что надо раньше раздѣлать спускъ къ рѣкѣ, чѣмъ достать изъ нея воды. Дали 40 человекъ отъ пѣхоты, мы прибавили человекъ 15 саперъ, и черезъ полчаса работа была окончена. Разставивъ рабочихъ и пройдя раза четыре по работѣ, я накалился до нельзя и потому тотчасъ же по окончаніи работы забрался въ рѣку.

Глубина оказалась не болѣе двухъ футъ. Нашъ берегъ спускается къ водѣ терасами и возвышается, надъ уровнемъ воды, сажень на девять. Ширина рѣки не измѣнилась, вода менѣе солоная, но грязная попрежнему. Берега сильно изрыты стекающей въ рѣку дождевой водой. Одна изъ этихъ промоинъ была выбрана и при разработкѣ спуска. Вечеромъ, съ 125-ю рабочими отъ пѣхоты, сдѣлали еще два спуска. Сами ими не пользовались, а работали для главныхъ силъ.

Сегодня, на первомъ привалѣ, я замѣтилъ, что жажда не очень сильна, пока не напьемся первый разъ, а тогда ужъ все дѣло пропало. Попробую завтра не пить какъ можно дольше. Сегодня взялъ зеркало, чтобъ осмотрѣть глаза, и увидѣлъ, что сталъ черенъ, какъ сапогъ, глаза красны, кожа съ лица слѣзаетъ.

Текинджикъ. 12-го іюня. Мѣстность сохраняетъ свой волнистый характеръ и изрѣзана промоинами. Попадается много муравейниковъ, но что несомненно, такъ это громадное количество мокрицъ, которыя преслѣдуютъ насъ уже второй переходъ. На каждомъ квадратномъ аршинѣ можно встрѣтить отъ двухъ до трехъ гнѣздъ этихъ милыхъ на-

сѣкомыхъ, что весьма неудобно на привалахъ, такъ какъ изъ гнѣздъ несетя преотвратительный запахъ.

Встрѣчается много красивыхъ хохлатыхъ посмѣтушекъ, что служить лучшимъ признакомъ близости воды, отъ которой онѣ не улетаютъ далѣе пяти-шести верстъ. Не пивши въ походѣ положительно легче, потому, что жара чувствуется какъ-будто не такъ сильно и отдѣленіе пота совсѣмъ незначительно. Нужно замѣтить, что, поздно вставъ, я успѣлъ выпить, передъ отходомъ, всего одинъ стаканъ чаю. Завтра попробую довести употребленіе воды до минимума.

Установились на Атрекѣ въ полуверстѣ отъ воды, но, чтобъ добраться до нея, нужно сдѣлать не менѣе двухъ верстъ и притомъ приходится мѣстами пускать въ ходъ всѣ четыре конечности, рискуя, вдобавокъ, сломать голову. Берега страшно высоки и изрыты глубочайшими промоинами, съ отвѣсными боками. Промоины пересѣкаются между собой и путаются, какъ сѣть. Отъ каждой промоины идетъ нѣсколько подземныхъ галерей, часть которыхъ соединяетъ промоины между собой, часть же соединяетъ съ промоинами глубочайшіе, высверленные водой, колодцы. Вообще мѣстность около рѣки чрезвычайно живописна, но и чрезвычайно неудобна для бивака.

Укрѣпленіе Чадъ, 13-го іюня. Вышли въ два часа ночи, пришли около 11-ти часовъ дня. Колонна чрезвычайно долго вытягивалась съ ночлега, потому что и людямъ, не говоря уже о повозкахъ и верблюдахъ, чрезвычайно трудно двигаться въ темную, безлунную ночь по такой изрытой мѣстности. Переходъ ничѣмъ не отличался отъ предыдущаго: та же жара, только дорога еще болѣе неудобная. Вертахъ въ девяти отъ Чада, увидѣли нѣсколько туркменскихъ ауловъ, въ сторонѣ отъ дороги.

Верстахъ въ двухъ отъ Чада, встрѣтилъ насъ ширванецъ и предупредилъ, чтобъ мы не варили пищи, такъ какъ она приготовлена, уже для насъ расположенными въ Чадѣ войсками:—обычай чисто кавказскій. Нашу полуроту забрали къ себѣ артилеристы, причемъ насъ накормили превосходнымъ обѣдомъ, гдѣ фигурировалъ даже салатъ съ свѣжими огурцами, съ неимоверными трудами выращенный на брустверѣ укрѣпленія. Все укрѣпленіе Чадъ состоитъ изъ редутика съ крошечнымъ брустверомъ и если это мѣсто крѣпко, то укрѣпила его природа а люди сдѣлали весьма мало. Укрѣпленіе расположено при впаденіи въ Атрекъ Сумбара и занято тремя баталіонами пѣхоты, двумя взводами артилеріи, однимъ полевымъ и однимъ горнымъ, и казаками, числа которыхъ не знаю. Берега рѣкъ обрывисты, неприступно высоки и изрыты промоинами, такъ что укрѣпленіе способно представить

очень и очень серьезное сопротивленіе даже и не текинцамъ. Войска расположены довольно удобно въ палаткахъ и кибиткахъ; есть деревянная церковь и даже одна мазанка съ стеклами въ оконныхъ рамахъ. Устроена вышка съ русскимъ торговымъ флагомъ, а самая торговля производится въ шести-семи помѣщенныхъ въ кибиткахъ лавочкахъ съ довольно разнообразными товарами. Цѣны превосходятъ обыкновенныя почти въ три раза. Дороговизна мотивируется, конечно, трудностью доставки, хотя путь отъ берега моря до Чада можно безъ всякихъ задержекъ и неудобствъ пройти въ четыре дня. Есть въ Чадѣ значительный складъ провіанта и фуража, который предполагается перевести въ Дузь-Олумъ. Вода въ Атрекѣ выше этого сліянія довольно хороша, ниже же — плоха, откуда и можно заключить, что ее пертять воды Сумбара, на которомъ намъ придется стоять. Говорятъ впрочемъ, что выше вода въ Сумбарѣ лучше.

Чадъ занятъ только въ прошломъ году.

Укрѣпленіе Чадоъ, 14-го іюня. Вчера заснулъ подъ вой вѣтра, сегодня проснулся весь мокрый какъ мышь отъ проливнаго дождя.

Уходимъ отсюда послѣ - завтра. До Дузь-Олума считаютъ 45 верстъ. Сначала хотѣли дойти туда въ одинъ переходъ, теперь же говорятъ, что будетъ два перехода.

Укрѣпленіе Чадоъ, 15-го іюня. Завтра выступаемъ въ Харь-Олумъ; переходъ въ 21 версту. Воду безъ особаго разрѣшенія начальника авангарда раздавать не приказано. День не сильно жаркій, но вѣтреный. Завтра выступаемъ въ три часа утра.

Харъ-Олумъ, 16-го іюня. Дорога ровная и гладкая. Справа все время видѣлись высоты, расположенныя на лѣвомъ берегу Сумбара. Харь-Олумъ расположенъ также у подножыя довольно высокихъ холмовъ, которые идутъ съ сѣвера на югъ грядой, насколько можно судить теперь, довольно широкой.

Солдаты плохо поддаются внушеніямъ относительно воздержности въ питьѣ. Сегодня на первыхъ же пяти—шести верстахъ вода въ бутылкахъ пришла уже къ концу, не смотря на всѣ вчерашнія и сегодняшнія внушенія. Зная приказъ начальника авангарда, люди воды не просили, но не трудно было догадаться, что имъ приходится плохо. Всѣ разговоры вертѣлись исключительно на водѣ. Верстахъ въ пяти отъ Харь-Олума сдѣлали часовой привалъ, и я рѣшился раздать воду по бутылкѣ на человѣка.

Раздача обошлась не безъ печальныхъ фактовъ. Нѣкоторые сейчасъ же выпили свою порцію и пробовали получить еще разъ. Ихъ ловили, что сразу показало людямъ, что двухъ бутылокъ получить нельзя, не

смотря на что нашлось и еще нѣсколько человѣкъ, которые, выпивъ также всю свою воду, безъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ улеглись на землю съ какой-то чисто дѣтской беззаботностью.

Завтра послѣдній переходъ—и конецъ начала нашего похода: съ сегодняшняго дня считаемся на военномъ положеніи. По приходѣ въ Дузь-Олумъ общаются много работы.

Сейчасъ въ одинъ изъ промытыхъ водою колодезѣвъ попала казачья лошадь, но, къ счастью, застряла недалеко отъ поверхности земли и была извлечена изъ преждевременной могилы. Колодезь глубокий; внутри темно и дня не видно.

Стоимъ на берегу Сумбара. Эта рѣченка шириною въ три—четыре аршина. Глубины навѣрно не знаю, но по всей вѣроятности не болѣе трехъ или двухъ футъ. Берега такіе же, какъ и у Атрека, т. е. высокіе, обрывистые и размытые. Доступъ къ водѣ труденъ, но вода хороша, такъ что наша сегодняшняя возня съ водой была совершенно напрасна.

Сегодня первый разъ замѣтилъ на холмахъ впереди насъ казачьи пикеты. Въ Чадѣ говорили, что близко бродятъ шайки текинцевъ человѣкъ въ 300—400. Что-то ждетъ насъ за этими холмами?

Съ самаго ночлега около меня все время ѣхалъ какой-то татаринъ, видимо желая заговорить со мной, на что наконецъ и рѣшился.

«Что идешь всякій день, и нынче съ утра идешь? Усталъ; садись на мою лошадь, я слѣзу».

— Благодарю, у меня есть лошадь, отвѣчалъ я и показалъ на лошадь, которую ведутъ обыкновенно въ сторонѣ.

«Зачѣмъ же не бережешь себя? Садись».

Я сказалъ, что хочу хорошенько привыкнуть къ жарѣ.

«Не привыкнешь; только измучаешься и заболѣешь, а жизнь миллионъ стоитъ. Садись; лошадь здоровѣе человѣка».

Нельзя было не согласиться, что страна какъ будто нарочно создана для того, чтобы мучить человѣка.

Дузь-Олумъ, 17-го іюня. Вышли въ два часа. Дорога въ началѣ перехода была очень удобна и шла по ровной мѣстности, но съ половины пути началось узкое ущелье, пролегающее межъ высокихъ холмовъ.

Саперамъ досталось сегодня вдоволь. Вчера еще предупредили насъ, что сегодня будетъ работа, и дали 200 человѣкъ отъ пѣхоты.

Намъ не приходилось еще сталкиваться съ линемановскими лопатами, но изъ сегодняшняго опыта пришлось убѣдиться, что впередъ, въ случаѣ работы съ пѣхотой на походѣ, лучше имѣть подъ руками вьюкъ съ инженернымъ инструментомъ, а то съ маленькими лопатами

возиться не совсѣмъ удобно, особенно гдѣ нужно перебросить землю на болѣе или менѣе значительное разстояніе.

Сдѣлали на второй половинѣ дороги нѣсколько спусковъ, причемъ линемановскія лопаточки помогли намъ очень мало. Населеніе степи видимо увеличивается: сегодня солдаты руками поймали джейрана, штукъ пять лисицъ и наконецъ подняли медвѣдя, которому удалось уйти по добру-по здорову.

Дузъ-Олумъ расположенъ при слияніи Сумбара съ Чандыремъ и представляетъ обширную площадь, окруженную высокими холмами весьма красиваго вида. Вода въ Сумбарѣ хороша, но ходять слухи, что текинцы хотятъ запрудить его верховья и такимъ образомъ оставить насъ безъ воды. Благодаря этому, мы не останемся въ Дузъ-Олумѣ, а пройдемъ верстъ на 60 впередъ, какъ только будутъ разработаны спуски къ Сумбару, который иначе перейти нельзя вслѣдствіе высокихъ отвѣсныхъ береговъ оврага, въ которомъ течетъ Сумбаръ. Чтобы имѣть понятіе о ширинѣ Сумбара, довольно сказать, что, желая отыскать сегодня на противоположной сторонѣ мѣсто удобное для разработки подъема, я безъ всякаго труда перепрыгнулъ черезъ рѣчку. Мѣсто нашей будущей стоянки, Тарсаканъ, расположено также на Сумбарѣ. Здѣсь простоямъ дней пять, т. е. столько, сколько нужно, чтобы устроить переправу. Каждый день работа съ 3-хъ до 9-ти утра и съ 5-ти до 9-ти вечера. Работать будутъ ежедневно 400 человѣкъ.

Имѣются здѣсь по оврагу Сумбара деревья, рубить которые не позволяютъ; тутъ же есть камыши и трава. Завтра идутъ верстъ за шесть или за восемь за фуражемъ и дровами. День жаркій и вѣтренный.

Дозъ-Олумъ, 18-го іюня. Работали сразу шесть спусковъ, изъ которыхъ два приходится въ отвѣсныхъ берегахъ оврага сажень на шесть, а четыре—въ очень крутыхъ откосахъ, сажени на три каждый. Работы пропасть и работа довольно трудная, потому что глина тверда какъ камень. Работало 400 человѣкъ съ 3-хъ до 9-ти часовъ утра и съ 5-ти до 9-ти вечера. Побѣгать пришлось до-сыта, такъ какъ работа производится на протяженіи почти двухъ верстъ. Работы будетъ еще дня на три-четыре.

Много мѣшалъ работѣ вѣтеръ, который во многихъ мѣстахъ несъ землю прямо въ глаза работающимъ, вслѣдствіе чего глаза сильно страдали, а лицо покрывалось слоємъ пыли.

Нужно построить небольшой мостикъ, а матеріала положительно нѣтъ. Есть небольшой кустарникъ, но ломокъ до крайности, такъ что не знаю, удастся-ли напелсти хоть туровъ, изъ которыхъ думаю сложить не затрудняющій протока воды мостикъ.

Дузз-Олумъ, 19-го июня. Утромъ работа съ 3-хъ до 9-ти, послѣ обѣда—съ 4-хъ до 9-ти. Дѣло подвигается медленно, чѣмъ рассчитывали, потому что грунтъ чѣмъ дальше, тѣмъ тверже, и, кромѣ лома и кирки, ничѣмъ его не проберешь.

Утро было сегодня очень похоже на утро сѣренькаго дня въ Россіи; временами брызгалъ даже дождичекъ. Земля промокла очень немного, и потому при работѣ вслѣдствіе вѣтра была порядочная пыль, которая, осаживаясь на мокрое платье, образовала на немъ нѣчто въ родѣ сплошной корки.

Черезъ Сумбаръ перешелъ на работу не замочивъ ноги, но, возвращаясь оттуда, нашелъ воду уже выше колѣна. Надо будетъ на будущее время имѣть въ виду такое быстрое и сравнительно сильное поднятіе воды отъ дождей, а то могутъ быть непріятности съ мостами.

Вернувшись съ работъ, былъ пріятно пораженъ. Солдаты въ наше отсутствіе превосходно устроили намъ палатку, такъ что дождь ужъ не страшень, хотя онъ и начинается снова накрапывать.

Въ 2 часа ночи всѣ верблюды, за исключеніемъ 600, т. е. 2,900, идутъ въ Чадъ за магазиномъ. Простоемъ здѣсь пожалуй около недѣли.

Дузз-Олумъ, 23-го июня. Работы продолжаются, но рабочихъ дають теперь меньше, потому что третьяго дня ушла за Чандыръ колонна изъ трехъ ротъ и двухъ сотенъ при трехъ горныхъ орудіяхъ, захвативъ продовольствія на два дня. Вчера, подъ прикрытіемъ роты, послали въ эту колонну еще на четыре дня продовольствія. Цѣли экспедиціи достовѣрно не знаю, но говорятъ, что предпринята она для защиты мирныхъ туркменъ отъ текинцевъ, которые хотятъ отбить, а по нѣкоторымъ слухамъ ужъ и отбили, тысячъ десять баранты. Ждутъ сюда баталіона ширванцевъ, который останется здѣсь для прикрытія предполагаемаго провіантскаго склада. Жара чувствуется не такъ сильно.

Дузз-Олумъ, 25-го июня. Сегодня день отдыха отъ недѣльнаго усиленнаго труда, а завтра опять работа, будемъ разбивать редутъ. Работать его будутъ имѣющіе прибыть сюда войска.

Послѣ-завтра придутъ верблюды, и мы вѣроятно двинемся дальше. Ушедшая отъ насъ колонна присоединится къ намъ потомъ.

Сегодня умеръ отъ кроваваго поноса солдатъ куринскаго баталіона; показалаась и цынга, которая вѣроятно не заставитъ ждать своего распространенія. Накрапываетъ дождикъ, а ночью вѣроятно будетъ ливень.

Штабсъ-капитанъ Чернякъ.

(Окончаніе будетъ).

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173734/

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ

ТОМЪ СЛХХVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая улица, д. № 36.

1887

3051
450

ЭКСПЕДИЦИЯ ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ ВЪ 1879 ГОДУ.

(Изъ дневника сапернаго офицера).

(Статья вторая) (*).

Бекъ-Тепе, 26-го июня. Начальникъ авангарда, отправившись съ колонной для защиты туркменъ, прошелъ въ Терсаканъ (30 верстъ отъ Дузь-Олума) и, остановившись тамъ, прислалъ приказаніе саперамъ съ баталіономъ куринцевъ раздѣлать дорогу отъ Дузь-Олума до Бекъ-Тепе. Съ этой цѣлью мы выступили 26-го вечеромъ, захвативъ провіанта на три дня и оставивъ весь колесный обозъ и артилерію въ Дузь-Олумѣ. Отойдя версты двѣ, остановились на ночлегъ, ибо дорога оказалась такова, что не только ночью, но и днемъ по ней ходить трудно.

27-го вышли въ 4 ч. утра и въ Бекъ-Тепе пришли около 9-ти вечера. Дорога, дѣйствительно, неказиста и работъ на ней много. Болѣе половины своего протяженія путь тянется по узкому ущелью, что страшно растягиваетъ колонну. 28-го и 29-го работали спускъ изъ ущелья въ долину Бекъ-Тепе, 28-го же отправили въ Дузь-Олумъ за продовольствіемъ верблюдовъ. 29-го они вернулись, захвативъ почти все продовольствіе, но прошли прямо въ Терсаканъ. Туда же прошла сотня кавалеріи и Александропольскій баталіонъ съ 2,000 верблюдовъ. Такимъ образомъ, авангардъ разбился на три колонны, изъ которыхъ каждая отдѣльно слаба для работъ и страдаетъ недостаткомъ въ верблюдахъ.

М. Бекъ-Тепе расположено на берегу Сумбара и представляетъ долину въ полторы квадратныхъ версты, окруженную холмами, которые собственно и носятъ названіе Бекъ-Тепе (Барскіе бутры).

Сумбаръ, войдя въ эту долину, протекаетъ до двухъ третей ея, а затѣмъ круто поворачиваетъ назадъ, течетъ нѣкоторое время въ этомъ направленіи и, снова повернувъ, течетъ дальше между двумя параллельными рядами холмовъ.

Берега высоки; дно оврага, въ которомъ течетъ рѣка, широко и

(*) См. «Военный Сборникъ», 1887 г., № 6-й.

поросло деревьями (ива, ольха). Это дѣлаетъ Бекъ-Тепе хорошей стоянкой, и говорятъ, что теперь чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Бекъ-Тепе, 1-го іюля. Дѣла экспедиціи не очень-то хороши. Въ Чикишлярѣ вовсе нѣтъ фуража, а выгрузкѣ съ моря препятствуютъ бури. Перевозочныхъ средствъ у насъ тоже далеко недостаточно: авангардъ не можетъ подняться весь сразу. Вода въ Сумбарѣ до сегодняшняго обѣда была довольно порядочной, но къ вечеру стала почему-то соленой и вонючей.

Температура была вчера въ тѣни $+32^{\circ}$ R, сегодня $+36^{\circ}$ R. Замѣчательно сильно испаряется влага: въ чернильницу каждый день приходится вливать двѣ-три чайныхъ ложки воды, а перо необходимо чистить черезъ каждыя десять строкъ,—такъ много насыхаетъ на немъ за это время черниль.

Бекъ-Тепе, 2-го іюля. Вода сдѣлалась положительно негодна для питья: солона, грязна и непріятнаго запаха, чѣмъ мы обязаны находящимся въ Терсаканѣ верблюдамъ, лошадямъ и людямъ, количество которыхъ, при невниманіи, исполнѣ достаточно, чтобы обратить въ грязь такую канаву, какъ Сумбаръ, а на разстояніи 12-ти верстъ вода ни отстояться, ни потерять свой запахъ не успѣваетъ.

Въ Дүзъ-Олумѣ теперь конечно и еще хуже, а тамъ стоятъ баталіонъ апшеронцевъ, взводъ артилеріи и обозъ всего авангарда.

Если работать придется дольше, то положеніе наше крайне печально: стоять будемъ на Сумбарѣ гораздо ближе къ Терсакану, слѣдовательно вмѣсто воды будетъ окончательно наивонючайшая грязь и, чтобы избѣгнуть этого, придется подвозить воду изъ Терсакана.

4-го іюля. Вчера ушли изъ Бекъ-Тепе и остановились на полупереходѣ до Терсакана,—остановились для разработки спуска. Сегодня работаемъ уже второй день и если кончимъ работу, то единственно вслѣдствіе приказанія кончить во что бы то ни стало. Причина такого приказанія, какъ слышно, та, что текинцы запрудили верховье Сумбара и мы можемъ остаться безъ воды.

Вчера на работахъ было около 150 человѣкъ туркменъ изъ Каракала, лежащаго недалеко отъ Терсакана. Пришли они съ своимъ инструментомъ, состоящимъ изъ лопатъ довольно оригинальнаго вида и скверныхъ мотыгъ. Работаютъ дружно, но работаютъ только до тѣхъ поръ, пока это имъ кажется нужнымъ, вслѣдствіе чего приходится порядочно повозиться съ ними, раньше чѣмъ что нибудь сдѣлаешь.

Погода сегодня, видимо, покровительствуетъ намъ,—идетъ дождичекъ, такъ что на работы можно выбраться пораньше. Вчера вырыли

въ балкѣ колодезь,—вода оказалась горьковатая. Для доставки воды изъ Терсакана есть у насъ 50 верблюдовъ.

Бекъ-Тене, 6-го іюля. Пришли сюда изъ Терсакана сегодня, а когда уйдемъ—еще не знаю, хоть продовольствія и есть у насъ только на восемь дней.

Сдѣлалъ спускъ въ шести верстахъ отъ Терсакана. Во время окончанія работъ проѣзжалъ начальникъ авангарда, освѣдомился, какъ идутъ работы. Я сказалъ, что подвигаются довольно медленно, потому что приходится высѣкать дорогу въ грунтѣ, о который ломаются кирка и ломъ, а инструментовъ этихъ у меня всего на всего двадцать пять штукъ. На вопросъ, какова дорога до Дузь-Олума, сказалъ, что проѣхать можно. Онъ указалъ на небольшой косогоръ и спросилъ, что я думаю съ нимъ сдѣлать? Я отвѣчалъ, что не думаю разрабатывать его, потому что фургона проѣдетъ тутъ и безъ работы, и предупредилъ, что на дорогѣ есть мѣста и похуже, такъ какъ разрабатывать основательно дорогу на походѣ нѣтъ никакой возможности, съ чѣмъ начальникъ авангарда и согласился. Въ тотъ же день вечеромъ куринцы и я были уже въ Терсаканѣ, а сегодня съ ахалцихами пришелъ сюда, чтобъ, стоя въ Бекъ-Тене, основательно разработать дорогу къ Терсакану и Дузь-Олуму и сдѣлать хорошій спускъ въ самомъ Бекъ-Тене.

Бекъ-Тене, 9-го іюля. Работаемъ усиленно, но кончимъ еще не скоро. Ходятъ слухи, что текинцы собрались въ Бендесенѣ въ значительныхъ массахъ, но намѣренія ихъ неизвѣстны. Температура за три послѣдніе дня невыносима. Когда жара достигаетъ апогея, то даже мѣстные собаки отказываются двигаться, а птицы забиваются въ промоины, гдѣ иногда удается захватить ихъ заразъ нѣсколько штукъ.

Бекъ-Тене, 10-го іюля. Сейчасъ получилъ приказаніе кончить работы какъ можно скорѣе. Была вчера у меня очень непріятная гостыя. Лежалъ себѣ и курилъ передъ сномъ папиросу, какъ вдругъ что-то быстро пробѣжало съ подушки черезъ плечо и утѣлось на открытой груди. Ночь была свѣтла какъ день и потому не трудно было узнать фалангу. Зная, что она не укуситъ меня безъ всякаго повода съ моей стороны, я старался лежать не шевелясь, опасаясь главнымъ образомъ, чтобъ ее не раззадорилъ дымъ папиросы. Отдохнувъ немного, гостыя быстро ушла куда-то за палатку. Не скажу, чтобъ этотъ визитъ доставилъ мнѣ много удовольствія.

Бекъ-Тене, 15-го іюля. Работа подвигается крайне тихо, потому что грунтъ наискрѣпчайшая глина, а кирокъ у меня всего 40 штукъ, да и тѣ тупы. Землю отламываютъ массами отъ 30-ти до 100 пудовъ и болѣе. Сегодня отъ одной изъ такихъ глыбъ оторвался во

время отламыванія порядочный кусокъ и сильно ударилъ въ грудь одного изъ рабочихъ. Бѣдняга минутъ пять не могъ отдышаться. Впереди предстоитъ еще разработать верстъ 10 или 12 дороги. Начиная замѣтно изнуряться. Къ вечеру, обыкновенно, нѣсколько поразомнешься и чувствуешь себя сравнительно недурно, но за то утромъ спотыкаешься на каждомъ шагу, шатаешься какъ пьяный и вообще чувствуешь себя совершенно разбитымъ. Подъемъ на малѣйшую неровность представляетъ значительный трудъ.

Вчера вырыли довольно большую земляную черепаху, которая живетъ теперь у меня въ палаткѣ. Ночью ушла было она шага за четыре, но когда солнышко стало припекать посильнѣй, вернулась опять въ палатку и старается вырыть себѣ нору, да земля то на ея горе крѣпко тверда. Появилось много фалангъ; привлекаютъ ихъ, вѣроятно, главнымъ образомъ, мухи, отъ которыхъ буквально нѣтъ житья.

Вода въ Сумбарѣ вчера ночью снова остановилась. Причины не знаю. Чувствую себя плохо. Хочу сегодня проѣхать по направленію къ Дузъ-Олуму, чтобъ хорошенько узнать, много-ли тамъ работъ. На работахъ часто слышатся въ солдатскихъ разговорахъ жалобы на недостатокъ въ хлѣбѣ; имъ даютъ по два фунта. Жара убійственная, хотя послѣдніе три дня и дуетъ почти постоянно довольно сильный вѣтеръ. На работахъ этотъ вѣтеръ сущее несчастье: кружится въ ущельѣ и, гдѣ ни встань, постоянно несетъ въ глаза цѣлую тучу пыли. Я и теперь не могу уже смотрѣть на Божій міръ иначе, какъ низко опустивъ голову и затѣмъ изподлобья бросая отдѣльные взгляды, а дальше не знаю, что и будетъ. Сейчасъ проѣзжали казаки изъ Терсакана и объяснили намъ причину прекращенія теченія Сумбара: обвалился берегъ и завалилъ русло на большое разстояніе. Другія сутки цѣлый баталіонъ днемъ и ночью отрываетъ обвалъ; ночью работаютъ при свѣтѣ костровъ.

Ходятъ слухи, что текинцы собираютъ двѣ партіи, изъ которыхъ одна будетъ дѣйствовать противъ нашего фронта, а другая беспокоить тылъ. Хоть бы поскорѣй началось это, а то тоска страшная.

Бекъ-Тене, 15-го іюля. Приходится плохо. Третьяго дня вечеромъ почувствовалъ незначительную головную боль, на которую не обратилъ вниманія; вчера утромъ еле пришелъ съ работъ, а къ 12-ти часамъ уже не могъ подняться съ постели. Такого пароксизма лихорадки не приходилось пробовать еще ни разу. Во всемъ тѣлѣ ощущеніе, какъ будто послѣ перехода верстъ въ пятьдесятъ, а во всѣхъ суставахъ и позвоночномъ столбѣ какая то ревматическая боль. Боль эта при каждомъ движеніи усиливается до крайности, а покойно ни-

какъ не лежитъся,—все думаешь отыскать такое положеніе, въ которомъ хоть на минутку бы чувствовать себя легче. Вечеромъ началось что-то въ родѣ бреда. Часовъ въ 12 пароксиямъ началъ ослабѣвать, а въ 2 часа ночи кончился совершенно и я принялъ хины.

Лихорадки сегодня пока нѣтъ, но слабость страшная, а отъ хины положительно пьянъ.

Запасы наши истощились и сегодня идетъ караванъ за новыми, которыхъ вѣрно требовать по первое сентября.

Изъ Терсакана пріѣхалъ Г. Работъ тамъ нѣтъ. Ходятъ слухи, что дальше пойдемъ безъ колеснаго обоза. Это сократитъ нашъ трудъ на три четверти и сдѣлаетъ насъ гораздо подвижнѣе. Въ Чикишлярѣ еще убавили у солдатъ на три четверти фунта дачу сухарей и взамѣнъ этого прибавили полфунта мяса. Теперь мясо снова убавили на полфунта и прибавили фунтъ сахару на 100 человекъ, т. е. 0,00 золотника на каждого. Взамѣнъ 1 пуда 10 фунтовъ мяса можно бы дать и побольше, особенно при такой водѣ. Въ Чикишлярѣ же былъ полученъ приказъ, что въ случаѣ полученія войсками зелени въ консервахъ дача мяса должна быть уменьшена на полфунта. Зелени до сихъ поръ еще не получали, потому что ея не было, но теперь, говорятъ, въ Чадѣ есть, и войска послали требованія. До сихъ поръ пища была очень прѣсная и дать солдатамъ что нибудь въ родѣ борща далеко не вредно.

Бекъ-Тене, 19-го іюля. Сегодня утромъ всѣ работы здѣсь окончены, и мы уходимъ въ Терсаканъ, гдѣ насъ повидимому ждетъ болѣе или менѣе продолжительный отдыхъ.

Сегодня мѣсяцъ и два дня, какъ я не знаю уже, что значить быть неусталымъ, и какъ акуратно въ продолженіе десяти часовъ въ сутки дышу тончайшею пылью вмѣсто воздуха.

Въ Дузь-Олумѣ основанъ продовольственный складъ. Продовольствіе у насъ истощается и пріемщики со всего отряда отправляются въ Дузь-Олумъ, хотя свѣдѣній о томъ, что есть тамъ въ складѣ, не было затребовано никакихъ. Пріемщики, возвратившись, привезли только чай, сахаръ, овесъ и гнилой чеснокъ, такъ какъ въ складѣ больше ничего не было. Принуждены были снова отправить людей уже въ Чадъ, а теперь сидимъ и ждемъ, что-то привезутъ они намъ оттуда.

Третьяго дня уменьшили дачу овса лошадямъ, а между тѣмъ весь жалкій фуражъ, который былъ тутъ, стравленъ чуть не на двадцать верстъ кругомъ.

Долго-ли простоишь тутъ—не знаю; какъ будемъ двигаться дальше—дѣло тоже для меня темное. Отправивъ транспортъ за продовольствіемъ

въ Чадъ, мы не можемъ уже собрать хоть что нибудь для передвиженія одного баталіона.

Довольно упорно держится слухъ, что колесный обозъ съ нами дальше не поидетъ. Жаль конечно, что съ нами не будетъ нашихъ фургоновъ; что же касается до каргановскихъ арбъ, то нужно положительно радоваться, что мы отдѣлаемся отъ нихъ, какъ какъ гораздо чаще приходится солдатамъ возить ихъ, чѣмъ онѣ возятъ что нибудь для солдатъ. Вообще лучше верблюда тутъ ничего не придумаешь.

Высота оконченнаго сегодня спуска $19^{\circ} 4'$, заложеніе 227° , т. е. болѣе 10-ти высотъ.

Тарсаканъ, 20-го іюля. Наконецъ-то можно отдохнуть. Пришли сюда вчера въ 12 часовъ ночи, причемъ переходъ напоминалъ скорѣе всего прелестную прогулку. Ночи здѣсь замѣчательно хороши. Невысокія, но крайне причудливыя по своимъ формамъ горы на каждомъ шагу даютъ все новые и новые ландшафты, одинъ другого оригинальнѣе.

Терсаканъ, 21-го іюля. Вчера три роты куринцевъ ушли занять Каракалу ввиду сохраненія жителей отъ набѣговъ текинцевъ.

Вчера же кунакъ-туркменъ принесъ мнѣ зеленого еще винограду и трехъ курочекъ. Рассказывалъ онъ что-то о текинцахъ, причемъ очень дѣятельно пилилъ пальцемъ правой руки по ладони лѣвой, показывая, что рѣжетъ. Рассказывалось повидимому какое-то кровавое происшествіе, но я конечно не понималъ ничего. Познакомились мы съ этимъ туркменомъ во время перехода отъ Дузь-Олума къ Бекъ-Тепе. Онъ былъ проводникомъ, а я ѣхалъ по обыкновенію впереди колонны, незамѣтно догнавъ его и началъ отъ нечего-дѣлать разспрашивать, сколько осталось до Бекъ-Тепе, для чего одинъ конецъ плети называлъ Дузь-Олумъ, другой Бекъ-Тепе, а потомъ началъ ставить палецъ въ разныхъ мѣстахъ этой импровизированной карты. Туркменъ понималъ въ чемъ дѣло и съ большими оживленіемъ началъ, въ свою очередь, тыкать пальцемъ, пока наконецъ не разъяснилось, что мы прошли болѣе половины пути. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ чурекъ, я ему папироску, — и мы сдѣлались пріятелями.

Теперь мой новый знакомецъ изрѣдка посѣщаетъ меня. Придетъ, сядетъ около на землю, и если я занятъ, то упорно молчитъ до окончанія работы, если же ничего не дѣлаю, то начинаетъ рассказывать и сообщать очень можетъ быть самыя свѣжія новости, которыя для меня конечно остаются неизвѣстными, такъ какъ я ничего, кромѣ собственныхъ именъ, не понимаю.

Мой пріятель любитъ чай крѣпко, но водки не пьетъ.

Вчера часовъ до 12-ти болталъ съ кабардинскимъ докторомъ. Жалуются на дурное распредѣленіе медицинскаго персонала и на крайнюю нужду въ самыхъ необходимыхъ медикаментахъ и инструментахъ.

Терсаканъ, 23-го июля. Вчера вечеромъ пришелъ транспортъ изъ Дузь-Олума, но не привезъ намъ почти ничего. Сухарей и крупы не привезли совсѣмъ, остальныхъ продуктовъ, исключая чая и сахара, которые получены сполна, тоже дали почти половину противъ того, что требовали.

Сегодня часа въ три утра вернулся Г. изъ Каракала. Доѣзжали они до Ходжамъ-Кала верстъ пятьдесятъ отсюда и немного опоздали захватить партію нападавшихъ на Каракала текинцевъ, взявшихъ тамъ нѣсколько лошадей и семь человекъ плѣнныхъ. Трое изъ плѣнныхъ были брошены по дорогѣ.

Г. говорить, что въ Ходжамъ-Кала превосходная родниковая вода, но по дорогѣ туда много работы. Будутъ такъ же разрабатывать дорогу и въ Каракала. Температура убійственная.

Терсаканъ, 25-го июля. Сегодня вернулся изъ Чикишляра адъютантъ начальника авангарда и привезъ нѣсколько новостей. Наша вторая полурота выступить въ авангардъ вмѣстѣ съ госпиталемъ Краснаго креста и будетъ здѣсь вѣроятно дней черезъ десять. Главныя силы пойдутъ около 15-го августа и въ ноябрю, если вѣрить слухамъ, походъ кончится.

Вчера работали по дорогѣ къ Каракала, сегодня работъ тамъ не было, да и вообще теперь будетъ вѣроятно полегче, такъ какъ адъютантъ говорить, что разрабатывать дорогу для колеснаго обоза больше не будемъ.

Сегодня рыли колодцы, такъ какъ вода въ Сумбарѣ дѣлается хуже день ото дня. Скоро, кажется, пойдемъ въ Маргизъ тоже рыть колодцы.

Больныхъ въ каждомъ баталіонѣ человекъ отъ 20 ти до 30-ти, причемъ не надо забывать, что баталіоны мирнаго состава. Маркитанты сильно дерутъ: пудъ сахара стоитъ 25 рублей. Прибавили шесть фунтовъ сахара и фунтъ съ четвертью чаю на 100 человекъ.

Завтра идетъ транспортъ въ Дузь-Олумъ, гдѣ есть, говорятъ, крупа, сухари и кое-что изъ остальныхъ продуктовъ. Въ верблюдахъ недостатокъ страшный. Не знаю, какъ мы будемъ двигаться дальше, если не достанутъ какъ нибудь побольше этихъ кораблей пустыни. Вчера безъ меня приходилъ кунакъ и принесъ свѣжаго зеленого луку.

Терсаканъ, 26-го июля. Сегодня день отдыха въ полномъ смыслѣ слова: работъ нѣтъ никакихъ, а погода такая, что лучше и желать нельзя. Съ утра почти все время небо закрыто тучами, солнышко про-

глядываетъ лишь на секунду, а къ довершенію благъ раза три-четыре принимался накрапывать дождикъ, да жаль—не разошелся.

Отправился транспортъ больныхъ въ Чадъ.

Температура понизилась до $+ 28^{\circ}$ R, и мы послѣ перенесенныхъ убійственныхъ жаровъ чувствуемъ себя какъ въ раю. Кстати о температурѣ. Наибольшая, какую мнѣ удавалось наблюдать, доходила до $+ 47^{\circ}$ R.; кабардинскій докторъ наблюдалъ $+ 48^{\circ}$ R., а одинъ офицеръ увѣряетъ, что было разъ $+ 52^{\circ}$ и $+ 53^{\circ}$ R. Рассказать, что чувствуешь въ такіе жары, не очень легко, такъ какъ находишься почти въ полусознаніи. Подъ конецъ мы все-таки нѣсколько освоились со здѣшнимъ климатомъ и страдали гораздо менѣе, чѣмъ первое время, но все-таки не привыкли еще настолько, сколько хотѣлось бы. Дуетъ постоянный довольно сильный вѣтеръ, и вода въ смоченныхъ бутылкахъ охлаждается до того, что даже зубы немного ломить, когда пьешь. Жаль только, что она сильно воняетъ.

Относительно продолженія похода ходятъ самые разнорѣчивые слухи. Наиболѣе упорно держащіеся общаются намъ пребываніе здѣсь до 20-го августа, такъ какъ въ главныхъ силахъ нѣтъ пока достаточнаго числа верблюдовъ, а авангарду не приказано двигаться впередъ раньше приближенія главныхъ силъ.

До Бендесена, т. е. до начала настоящихъ текинскихъ обиталищъ, осталось около 65-ти верстъ, изъ которыхъ первыя 45 безводны, а затѣмъ въ Ходжамъ-Кала есть родники съ такой прекрасной водой, что Г. чуть не опился, когда ѣздилъ туда съ кавалеріей.

26-го Г. съ 54-мя саперами и 200 чел. пѣхоты ушелъ въ урочище Маргизъ (на половинѣ разстоянія отъ Терсакана до Ходжамъ-Кала), чтобы вырыть тамъ колодцы. Возять имъ туда каждый день 80 боченковъ воды, не показавшейся еще вѣроятно въ колодцахъ, глубину которыхъ предположено довести въ случаѣ надобности до шести сажень. Собственно говоря можно было бы обойтись и безъ этихъ колодцевъ: пройти 45 верстъ безъ воды хоть и трудно, но можно, тѣмъ болѣе, что люди ужъ попривыкли, да и температура не такъ высока, по крайней мѣрѣ теперь.

Сегодня по расчетамъ должна прибыть почта. Ждутъ ее постоянно съ страшнымъ нетерпѣніемъ, что въ нашемъ положеніи оторванныхъ отъ всего свѣта и людей вполне понятно. Трудно представить себѣ, съ какимъ наслажденіемъ читается и перечитывается здѣсь всякая печатная и писаная строчка, какое удовольствіе доставляетъ всякое полученное письмо.

Терсаканъ, 1-го августа. Температура снова повышается,—се-

годня + 34° R. Въ Дузъ-Олумъ отправился транспортъ за полученіемъ нѣкоторыхъ недополученныхъ припасовъ. Привезли сюда немного сѣна и разрѣшили требовать по пяти фунтовъ на лошадь. Фуража ближе 15—17 верстъ нѣтъ; ходить на фуражировку можно только съ особаго разрѣшенія и съ большими предосторожностями. Фуражъ состоитъ здѣсь изъ грубой горькой пахучей травы, которую лошади ѣдятъ, хотъ и не особенно охотно. По Сумбару было прежде небольшое количество хорошей, нѣжной травы.

Шлялся сегодня немного по окружающимъ горамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, не смотря на всю высоту своего положенія, мѣсто это представляло нѣкогда дно моря, что можно заключить по массѣ находящихся въ напластываніи горъ окаменѣлостей. Собралъ нѣсколько штукъ морскихъ ежей и еще какихъ то суставчатыхъ животныхъ. Кабардинскій докторъ нашелъ надняхъ окаменѣлую рыбу или вѣрнѣе части нѣсколькихъ рыбъ и морскаго конька. Большинство окаменѣлостей лежить въ пластахъ довольно мягкихъ, морской же конекъ заключенъ въ кускѣ твердаго камня. Ужасно жаль, что нѣтъ никого, кто хотя бы приблизительно могъ опредѣлить періодъ, къ которому относятся всѣ эти остатки.

Безъ работъ однако тоже не весело. Тогда по крайней мѣрѣ устанешь, бывало, до того, что ни голова, ни ноги не дѣйствуютъ, а теперь положительно не знаешь, куда дѣться отъ тоски.

Какая чудная ночь сегодня. Не знаю, можно-ли гдѣ нибудь еще насладиться такими ночами, не знаю также, отдать-ли предпочтеніе луннымъ ночамъ, которыя только что кончились, или такимъ темнымъ, безлуннымъ, какъ сегодняшняя. Послѣднія, кажется, лучше: лунныя очень похожи на день.

Терсаканъ, 2-го августа. Сегодня въ часъ дня вернулся Г. съ вырытыхъ имъ колодцевъ, изъ которыхъ только въ трехъ оказалась вода, и то до того горько-соленая, что немногія лошади рѣшаются пить изъ одного, а изъ остальныхъ не хотятъ пить и верблюды. Колодцы рыли около самой дороги. Въ шести верстахъ въ сторону отъ колодцевъ есть въ горахъ небольшой родникъ, но вода въ немъ съ пѣнками, которыя, говорятъ, вливаются въ горло и извлекаются потомъ оттуда съ большимъ трудомъ. Г. вырылъ около родника два бассейна. Вода въ родникѣ на вкусъ очень хороша и совершенно прѣсная. Итакъ дѣло съ колодцами въ концѣ концовъ не выгорѣло и почти 300 человѣкъ проработали даромъ цѣлую недѣлю.

Крѣпко не ладится у насъ что-то съ продовольствіемъ. Изъ Чикишляра было взято нами по 16-е іюля, но сухари приказано потомъ

растянуть по 6-е августа, замѣнивъ ихъ отчасти мясомъ, которое теперь, въ свою очередь, замѣнено чаемъ.

14-го іюля приказано было снарядить транспорты въ Дузь-Олумъ за провіантомъ и въ Чадъ за морской провизіей, причемъ провіанта и фуража приказано получить по первое сентября, а морской провизіи по 11-е. Исполнить этого не удалось, такъ какъ многихъ продуктовъ въ складахъ совсѣмъ не было. Недополучка вышла довольно значительная; такъ, напримѣръ, для подъема всего слѣдовавшего нашей полуротѣ требовалось 39 верблюдовъ, полученное же все можно было поднять на 19-ти.

Къ 23-го іюля было у насъ вмѣсто того количества припасовъ, которое слѣдовало получить: сухарей по 6-е августа, крупы гречневой по 26-е августа, чаю, сахару, спирту, перцу и лаврового листа по 11-е сентября, сушеной капусты по 10-е августа, соли по 18-е августа, кислоты по 23-е августа, крупъ сарочинскихъ по 27-е іюля, масла не было съ 16-го іюля.

Приказомъ на 25-е іюля снаряженъ новый транспортъ за недополученными продуктами, исключая сухарей и крупы, которые должны быть получены впослѣдствіи. Продукты не были получены сполна и на этотъ разъ.

Приказомъ на 28-е іюля снаряженъ новый транспортъ за продовольствіемъ, которое никакъ не хочетъ даваться намъ въ руки.

Насколько грустно наше положеніе относительно перевозочныхъ средствъ—можно видѣть изъ слѣдующаго приказа:

«При пастьбѣ верблюдовъ высылать отъ дежурной сотни каждый день по два пикета, которые, кромѣ прикрытія, должны слѣдить, чтобы погонщики не убѣгали съ своими верблюдами».

Терсаканъ, 5-го августа. Пришла вторая полурота, потерявъ дорогой одного, умершаго отъ солнечнаго удара.

Какъ ни плохо приходилось намъ, а стоянка въ Чикишлярѣ должно быть тоже не лучше, что видно по проценту оставленныхъ второю полуротой въ госпиталяхъ. Сегодня отправили въ госпиталь еще троихъ.

Прибылъ одинъ баталіонъ ширванцевъ и одинъ баталіонъ самурцевъ; баталіонъ ахалцыхцевъ ушелъ въ Дузь-Олумъ, куда уйдутъ также и александропольцы, когда въ Терсаканѣ никого не останется.

Въ Чикишлярѣ организовано полевое почтовое управленіе; сегодня первый разъ отправлены отсюда письма безъ марокъ.

Бендесенъ, 17-го августа. 5-го утромъ, ушла изъ Терсакана кавалерія, а 6-го утромъ она имѣла стычку съ текинцами у Ходжамъ-Кала. Потерь у насъ нѣтъ, текинцы же, говорятъ, потеряли нѣсколько человѣкъ, но сколько именно—не знаетъ никто.

6-го же въ помощь кавалеріи было послано двѣ роты кабардинцевъ, а 7-го назначено выступленіе всего авангарда, исключая александропольцевъ и апшеронцевъ, при которыхъ остался весь обозъ уходящихъ. Въ Терсаканѣ же должна была остаться и значительная часть продовольствія, потому что верблюдовъ у насъ по обыкновенію не хватало, да, кромѣ того, наканунѣ выступленія, не смотря на всѣ предосторожности, нѣсколько верблюдовожатыхъ убѣжали, не забывъ конечно захватить съ собою и добрую часть (говорять—около 400) верблюдовъ.

6-го же вечеромъ мы узнали и нѣкоторыя подробности дѣла около Ходжамъ-Кала, самымъ важнымъ послѣдствіемъ котораго было приобрѣтеніе 4,000 баранты. Текинцы раза три-четыре бросались, чтобы отбить потерянное, но ближе 400-500 шаговъ не подъѣзжали вслѣдствіе сильнаго огня.

Изъ Ходжамъ-Кала кавалерія перешла въ Бендесенъ и, затѣмъ, переехала на равнину въ Бами; туда же двинулись куриныцы.

7-го числа, въ 4 часа пополудни, выступили мы изъ Терсакана и, пройдя версты полторы, остановились, чтобы дать возможность вытянуться транспорту, послѣ чего двинулись дальше. Жара была довольно сильная и къ 6-ти часамъ тутъ и тамъ начали валиться люди. До сихъ поръ я думалъ, что солнечный ударъ случается въ самую жару, и потому меня крайне удивило такое позднее дѣйствіе солнца, но недоумѣніе мое разрѣшилъ кабардинскій докторъ, объяснивъ, что дѣйствіе солнца не всегда обнаруживается тотчасъ же и что настоящіе случаи ударовъ есть вѣроятно слѣдствіе навьючиванья верблюдовъ въ самую жару.

Дорога отъ Терсакана къ Ходжамъ-Кала была разработана всего верстъ на 17, но ущелье не позволило сдѣлать ее и на этомъ протяженіи широкой на столько, чтобы можно было пустить нѣсколько верблюдовъ рядомъ. Вслѣдствіе этого транспортъ растянулся страшно, каждый упавшій выюкъ останавливалъ всю вереницу идущихъ за нимъ верблюдовъ, и мы поминутно должны были останавливаться, чтобы дать возможность подтянуться выюкамъ. Темная безлунная ночь нагнала насъ на первыхъ же пяти-шести верстахъ, и путешествіе сдѣлалось еще утомительнѣе, въ особенности когда кончилась разработанная дорога и путь пошелъ по нетронутымъ еще неровностямъ.

Не доходя Маргиза, дорога сдѣлалась окончательно негодной: рискнули было провезти одно изъ полевыхъ орудій, но оно съ лошадьми и ѣзовыми слетѣло въ кручу. Особыхъ несчастій не случилось, но случай этотъ нѣсколько позадержалъ насъ и это замедленіе увеличилось еще остановкой для разработки дороги. Измученные утомительнымъ перехо-

домъ и безсонною ночью, добрались мы наконецъ до Маргиза около 5-ти часовъ утра.

Хвостъ колонны пришелъ туда часовъ въ 8, а отъ Маргиза до Терсакана всего 25 верстъ, такъ что мы шли менѣе двухъ верстъ въ часъ. Часовъ въ 10 двинулись дальше, оставивъ въ Маргизѣ баталіонъ ширванцевъ и полуроту саперъ для разработки дороги по направленію къ Терсакану и Ходжамъ-Кала. Воду будутъ возить имъ изъ Терсакана.

Измученные, обезсиленные, не кормленные люди валились какъ мухи, верблюды падали подъ вьюками, слабыхъ везти было нечаемъ, а число ихъ прибывало съ каждымъ шагомъ. Часа въ два подошелъ ко мнѣ Г. и сказалъ, что сзади лежитъ нашъ солдатъ, а около него фельдшеръ, который не можетъ поставить его на ноги.

Г. пошелъ попросить Ш. сдѣлать привалъ, а я пошелъ назадъ, хотя и не зналъ, зачѣмъ иду я что буду въ состояніи сдѣлать для отсталаго солдатика. Наши верховыя лошади давно были уже подъ слабыми; свободныхъ верблюдовъ не было, носилки были гдѣ-то во вьюкѣ, да если бы и находились на лицо, то врядъ-ли нашлось бы, кого поставить къ нимъ. Верстахъ въ полуторыхъ сзади нашелъ наконецъ больного. Онъ сидѣлъ совершенно изнеможенный, тупо посматривая куда-то вдаль, а около него сидѣлъ фельдшеръ, не знающій что дѣлать съ своимъ паціентомъ. Два-три глотка буквально горячей принесенной съ собою воды и нѣсколько капель ея вылитыхъ на голову немного подбодрили солдатика, но двигаться онъ все-таки не могъ, и потому, оставивъ его на попеченіи фельдшера, я вышелъ на дорогу, чтобы захватить свободного верблюда, а если такового не окажется, то дожидаться и развьючить одного изъ нашихъ верблюдовъ. Сдѣлать этого, къ счастью, не пришлось, — у запасливыхъ артиллеристовъ свободный верблюдикъ нашелся; я забралъ его, усадилъ больного, который кое-какъ держался, уцѣпившись за сѣдло губами и зубами, закуталъ его чуть не всего своимъ огромнымъ бѣлымъ башлыкомъ, и, поручивъ фельдшеру вести верблюда, отправился догонять своихъ. Нагналъ ихъ уже на привалѣ, гдѣ роздали послѣднюю воду, прибавивъ къ ней уксуса, что впрочемъ весьма мало улучшило качество питья.

До Ходжамъ-Кала оставалось еще верстъ девять-десять, и хоть жаркая пора уже прошла, дойти туда все-таки было трудно, и мы свернули къ горамъ, гдѣ верстахъ въ трехъ-четырехъ отъ дороги былъ небольшой родникъ. Подойдя къ горамъ, остановились ночевать, и я отправился посмотреть родникъ, для чего нужно было версты на полторы углубиться въ горы. Тамъ были вырыты Г., когда онъ стоялъ въ Маргизѣ, два небольшіе бассейна, полные теперь слегка мутноватой водой.

Усталость, трудность перехода, воздержность—все было забыто, когда въ ротъ попали первыя капли этой холодноватой прѣсной воды, какой пробовать давно ужъ не приходилось. Двѣ бутылки выпилъ одну за другой, чрезъ минуту выпилъ еще половину солдатскаго котелка.

Басейны были настолько незначительны, что къ ночи оказались уже пусты. III. зашелъ къ намъ и спросилъ, надѣемся-ли мы, что за ночь наберется воды достаточно для всѣхъ, намѣреваясь послать, въ противномъ случаѣ, нарочнаго въ Ходжамъ-Кала съ просьбою выслать воды намъ навстрѣчу, что мы и посовѣтовали ему сдѣлать.

На другой день до Ходжамъ-Кала добрались безъ особыхъ трудовъ, а безукоризненно хорошая холодная родниковая вода скоро заставила насъ забыть всѣ перенесенныя трудности.

Ходжамъ-Калъ представляетъ не широкую долинку или вѣрнѣе сказать широкое ущелье, направленное съ запада на востокъ, т. е. почти перпендикулярно къ тому пути, по которому мы шли отъ Дузь-Олума. Жары большой не было, а по утрамъ случалось даже надѣвать пальто. Горы, ограничивающія ущелье съ сѣвера, довольно высокія, а за ними лежитъ узкая полоска оазиса, замыкаемая пустыней, которая тянется до самой Хивы. Вода получается въ Ходжамъ-Кала изъ трехъ родниковъ, доставляющихъ ее въ значительномъ количествѣ. Мѣсто около родниковъ носить слѣды обработки, но теперь поросло густымъ зеленымъ тростникомъ, дающимъ обильную пищу для нашихъ коней и верблюдовъ. Есть и небольшой лѣсочекъ.

На другой день послѣ нашего прихода пріѣхалъ отъ текинцевъ посланный, Тикма-сердаръ, побесѣдовалъ о чемъ-то съ начальникомъ кавалеріи, а затѣмъ бывшая въ Ходжамъ-Кала кавалерія ушла впередъ, захвативъ съ собой и посланнаго. 11-го ушли впередъ двѣ роты кабардинцевъ, а ночью подѣзжала къ цѣпи партія человекъ въ 40, что заставило насъ провести ночь насторожѣ; 13-го пришелъ баталіонъ ширванцевъ и наша полурота изъ Маргиза; 14-го пришла батарея 20-й бригады и гренадерскіе баталіоны, а 15-го баталіонъ ширванцевъ, кабардинцы, взводъ красноводской артилеріи и наша полурота выступили въ Бендесенъ.

Все время пребыванія въ Ходжамъ-Кала работали дорогу по направленію къ Маргизу, причѣмъ работа состояла главнымъ образомъ въ устройствѣ небольшихъ переваловъ черезъ возвышенности съ мягкимъ грунтомъ. Самой важной работой былъ перевалъ черезъ небольшой каменный кряжикъ у самой Ходжамъ-Кала. Грунтъ представляетъ здѣсь толстые слои мелкаго булыжника, сплоченнаго въ общую массу плотнымъ известковымъ цементомъ.

Вся наша недостаточность снаряженія рѣзко выяснилась при встрѣчѣ съ этимъ сравнительно слабымъ камнемъ. 40 кирокъ, изъ которыхъ половина, не смотря на починку, ужь не годится, не могли принести намъ много пользы, а девять пудовъ присланнаго со 2-й полуротой пороха лежали безъ употребленія, потому что присланные изъ Чикишяра буры не годились для работы даже въ встрѣченномъ нами камнѣ, не говоря уже про породы болѣе твердыя. Спускъ не былъ еще оконченъ ко времени нашего ухода.

Работали въ Ходжамъ-Кала не войска, а наши старые знакомые каракалинцы, прибывшіе туда въ числѣ 160-ти человекъ еще наканунѣ нашего прихода. До нашего прихода они работали кое-что и обращались съ ними должно быть не очень ласково, потому что при первой же встрѣчѣ съ нами они начали просить, чтобы мы работали съ ними по прежнему и не позволяли солдатамъ бить ихъ. Последнее время каракалинцы попривыкли къ работѣ и понимаютъ уже, что намъ недостаточно того, что имъ кажется вполне хорошо, отчего и работаютъ, какъ имъ указываютъ. На работы ходятъ или пѣшкомъ, или приѣзжаютъ на ишакахъ и лошадяхъ, сядясь заразъ подвое. Среди рабочихъ есть нѣсколько мальчиковъ лѣтъ отъ 9-ти до 11-ти, присутствие которыхъ каракалинцы объяснили мнѣ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ семействахъ взрослыхъ работниковъ не было. Ребятишки становились наряду съ большими и удивлялись повидимому сначала, что ихъ гнали съ работъ прочь; теперь же ужь не тянются работать, а занимаются главнымъ образомъ печеньемъ чурековъ и сборомъ фуража. Итакъ 15-го, сдавъ работу вмѣстѣ съ каракалинцами товарищамъ, мы съ Г. отправились съ полуротой въ Бендесенъ. Почти весь отрядъ былъ уже въ сборѣ, и потому можно было ожидать рѣшительнаго начала болѣе энергическихъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что текинцы были отъ насъ ужь очень недалеко и насъ раздѣляли только горы.

Переходъ до Бендесена былъ весьма не труденъ и разнообразился маленькой, устроенной на дорогѣ пирушкой, которой ширванцы встрѣтили свой полковой праздникъ. Дорога отъ Ходжамъ-Кала поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ на востокъ и идетъ у подножія горъ, среди которыхъ бродили мы раньше. Мѣстность представляетъ неширокую долину, отдѣленную съ сѣвера отъ оазиса довольно высокимъ хребтомъ Копетъ-Дагъ, начинающимся у Кизиль-Арвата. Тамъ и сямъ попадаются небольшія укрѣпленія съ глинобитными стѣнами и вездѣ видны слѣды обработки земли, свидѣтельствующіе о недавней обитаемости этихъ пустынныхъ теперь мѣстъ. На поляхъ около Бендесена разбросано много невысокихъ башенокъ, устраниваемыхъ текинца-

ми для того, чтобы имѣть опору, если врагъ явится во время работъ. Текинцы жили тутъ еще въ прошломъ году, а посѣвы ихъ, говорятъ, были даже и въ нынѣшнемъ. Теперь мѣсто это покинуто ими вѣроятно навсегда.

Отъ Бендесена къ сѣверо-востоку идетъ небольшое пологое ущелье, которое позволяетъ довольно легко забраться на хребетъ и перевалить въ оазисъ, разработавъ предварительно спускъ, по которому теперь съѣхать можно рѣшиться не на всякой лошади. Другой перевалъ находится верстахъ въ 20-ти къ востоку отъ Бендесена, но требуетъ также много работъ.

Бендесенъ, 22-го августа. По приходѣ въ Бендесенъ я немного расклеился и Г. работалъ одинъ. Спускъ предстояло сдѣлать по крутому скату высокаго хребта, причемъ приходилось воевать съ камнемъ, противъ котораго мы были почти безсильны. Разбитый спускъ вышелъ около версты съ половиною, такъ что, считая среднее заложеніе въ девять высотъ, получимъ высоту около 90 сажень, послѣ чего идетъ уже ущелье, понижающееся до оазиса. Абсолютная высота перевала достигаетъ до 3,000 сажень.

Работа по крайней ограниченности средствъ подвигалась изъ рукъ вонъ плохо. Рабочихъ давали мало, да и тѣ раньше, чѣмъ приняться за работу, должны были сдѣлать восемь-девять верстъ, что заставляло поздно начинать и рано кончать работы. Грунтъ—преимущественно разрушенный сверху атмосферическими вліяніями тонкослойный известнякъ, довольно легко разбираемый киркою, но около 20-ти сажень пришлось работать въ отвѣсной скалѣ съ известковыми пластами до двухъ аршинъ толщины, причемъ известнякъ настолько твердъ, что при ударѣ киркой или ломомъ получаютъ искры.

Горы покрыты толстымъ можжевельникомъ; есть и другія породы деревьевъ, что не заставляло насъ беспокоиться о дровахъ; въ окрестности лагеря много тростника, дающаго обильный кормъ для нашихъ утратившихъ прихотливый вкусъ лошадей и отъ рода неприхотливыхъ верблюдовъ; вода чиста и вкусна, хоть и отдаетъ немного сѣрой,—словомъ стоянка, лучше которой и желать трудно, такъ что мы не особенно и тяготились наступившимъ затишьемъ, ожидая, что послѣ него дѣла быстро пойдутъ къ развязкѣ.

Удалось собрать нѣсколько подробностей о произведенныхъ раньше нашего прихода набѣгахъ, но подробности эти не всѣ одинаково хороши. Не обошлось безъ грабежа и рассказывали даже, что жители атакованныхъ ауловъ выражали нежеланіе драться, соглашаясь исполнить все, что потребуютъ, что не помѣшало однако пострѣлять. Ре-

зультатомъ всего этого было приобретение тысячъ пятнадцати баранты и двухъ тысячъ верблюдовъ.

Время проходило понемногу въ ожиданіи со дня на день приѣзда начальника отряда. Работы понемногу также подвигались впередъ: почти треть спуска была уже совершенно готова, и мы рассчитывали, что удастся окончить какъ слѣдуетъ всю работу, какъ все вдругъ повернулось вверхъ дномъ.

Быстро одно за другимъ пронеслись два извѣстія: генераль Лазаревъ умеръ въ Чадѣ отъ карбункула, а затѣмъ, что начальникомъ отряда впредь до распоряженія назначенъ генераль Ламакинъ, который хочетъ быстро двинуться впередъ.

21-го утромъ, отправляясь на работу, мы получили приказаніе во что бы то ни стало къ 22-му приготовить переваль настолько, чтобы по немъ можно было какъ нибудь провести верблюжій транспортъ и артилерію. Около полудня приказаніе было повторено и присланы свѣжіе рабочіе, и на ночь было прислано еще 300 человекъ, и къ утру съ горемъ пополамъ артилерія могла пробраться внизъ.

Къ полудню 21-го подошелъ генераль Ламакинъ съ остальными войсками, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Ходжамъ-Кала.

Сегодня ушелъ изъ Бендесена авангардъ изъ стрѣлковъ, кабардинцевъ, куринцевъ, части кавалеріи и горной артилеріи, а завтра, въ 5 часовъ утра, выступаютъ въ оазисъ и остальные войска, оставивъ въ Бендесенѣ одинъ баталіонъ и взводъ саперъ для прикрытія оставленнаго тамъ обоза и подлежащей разработки сдѣланнаго на скорую руку спуска.

Отданъ приказъ о томъ, что въ случаѣ необходимости начальники частей могутъ занимать продовольствіе другъ у друга, и кромѣ того имъ же предложено озаботиться, чтобы провіанта хватило по 20-е сентября, т. е. данъ былъ намекъ на необходимость растянуть сухари, такъ какъ они были отпущены лишь по 1-е сентября. Сухарей стали давать по фунту.

Итакъ завтра будемъ въ оазисѣ.

Штабс-капитанъ Чернякъ.

(Продолженіе будетъ).

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173735/
1.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ

ТОМЪ СЛХХVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая улица, д. № 36.

1887

305
498

ЭКСПЕДИЦИЯ ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ ВЪ 1879 ГОДУ.

(Изъ дневника сапернаго офицера).

(Статья третья) (').

II.

Отъ вступленія въ оазисъ до штурма Геокъ-Теле.

22-го августа выступилъ изъ Бендесена авангардъ, состоящій изъ стрѣлковъ, кабардинцевъ, куринцевъ, части кавалеріи и горной артилеріи, а въ 6 часовъ утра 23-го выступили и остальные войска, оставивъ въ Бендесенѣ весь колесный обозъ, исключая восьми одноколокъ Краснаго креста, въ два мѣста каждая. Для прикрытія обоза и окончательной разработки спуска, который былъ наскоро проведенъ съ перевала въ ущелье, прорѣзывающее Копетъ-Дагъ, въ Бендесенѣ оставленъ былъ баталіонъ пѣхоты и взводъ саперъ, такъ какъ сухари были отпущены только по 1-е сентября.

Наканунѣ выступленія отданъ былъ приказъ, чтобы въ случаѣ надобности начальники частей занимали продовольствіе другъ у друга, и кромѣ того этотъ же приказъ предлагалъ озаботиться, чтобъ провіанта хватило по 20-е сентября.

Переправа отряда черезъ перевалъ продолжалась до 3-хъ часовъ пополудни, т. е. ровно 9 часовъ, которые ушли главнымъ образомъ на спускъ съ перевала артилеріи.

Дальнѣйшій путь пролегалъ по узкому ущелью среди высокихъ обрывистыхъ горъ, по мѣстности изрытой промоинами, устѣянной камнями и вообще крайне неудобной для движенія, не говоря уже объ артилеріи, съ которой было не мало хлопотъ.

Верстахъ въ 3-хъ отъ своего конца главное ущелье, направленное

(') См. «Военный Сборникъ», 1887 г., № 7-й.

съ сѣвера на югъ, соединяется съ другимъ, направленнымъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Изъ послѣдняго вытекаетъ довольно значительная по здѣшнимъ мѣстамъ рѣчка, которая и сопровождала насъ до конца перехода. Съ появленіемъ рѣчки дѣло пошло значительно хуже, потому что, извиваясь по ущелью изъ стороны въ сторону, она постоянно заставляла насъ останавливаться и устраивать переходы черезъ ея узкое, но глубокое русло, которые заняли столько времени, что до мѣста ночлега мы добрались лишь къ 11 часамъ ночи, т. е. были въ движеніи 17 часовъ, пройдя за это время около 20-ти верстъ.

Недалеко отъ выхода изъ ущелья часть воды рѣчки, текущей по довольно крутому склону, была отведена въ вырытую на берегу менѣе покатую канаву. Вслѣдствіе этой меньшей покатости дно канавы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уровень воды мало по малу возвышались надъ уровнемъ воды въ рѣчкѣ, а сама канавка мало по малу всплывала со дна ущелья на боковой скатъ его и къ выходу изъ ущелья всплывала настолько, что разность уровней воды въ рѣчкѣ и канавѣ достигла 8-ми—9-ти футовъ, т. е. получился значительный запасъ силы, что и дало возможность устроить около выхода изъ ущелья несложную водяную мельницу, рядомъ съ которой была возведена высокая глинобитная башня. На колесо мельницы вода направлялась по прекрасной каменной трубѣ, сложенной изъ большихъ цилиндрическихъ камней съ цилиндрическимъ же каналомъ по оси.

Описанный способъ подъема воды, практикуемый и на Кавказѣ, устраняя необходимость постройки сложныхъ плотинъ, представляетъ прекрасное и дешевое средство для полученія живой силы вездѣ, гдѣ есть вода, движущаяся по сколько нибудь значительному наклону. При первомъ взглядѣ на движеніе воды по описанному искусственному руслу, лежащему рядомъ съ природнымъ русломъ, приходится испытывать очень странное впечатлѣніе: кажется, что вопреки всякой возможности вода течетъ снизу вверхъ, а не наоборотъ.

По выходѣ изъ ущелья, мы выбрались наконецъ въ оазисъ, закутанный на этотъ разъ темною ночью. Дорога пошла по усыянному камнями наклону, на которомъ воду рѣчки снова нѣсколько разъ заставляли подыматься по менѣе наклоннымъ насыщеннымъ валамъ, на концахъ которыхъ устроены были мельницы съ неразлучной башней.

Верстахъ въ полуторыхъ отъ выхода изъ ущелья находилось мѣсто нашего ночлега—текинскій аулъ Бами, оставленный жителями до нашего прихода. Они, повидимому, уходили, не торопясь, такъ какъ все, что можно увезти, было увезено, мельницы разрушены; вода, бѣжавшая раньше по канавамъ, пущена бѣжать, куда ей самой хочется. Кромѣ

голыхъ стѣнъ жилищъ, въ аулѣ осталось значительное количество саману (желе истершаяся при обмолачиваніи пшеницы солома) и много соли.

Раньше перехода за горы я, не смотря на всѣ распросы, имѣлъ очень смутное понятіе о текинцахъ, представляя ихъ себѣ народомъ по преимуществу кочевымъ, живущимъ изо дня въ день, какъ Богъ дастъ, народомъ, главное занятіе котораго составляютъ грабежи и разбои, такъ какъ обитаемая ими мѣстность, по моимъ прежнимъ понятіямъ, врядъ-ли могла дать многое для жизни своихъ обитателей. Набѣги, давшіе намъ тысячи баранты, поколебали нѣсколько это мнѣніе, но я все таки былъ далекъ отъ того, что увидѣлъ собственными глазами, очутившись въ аулѣ, только что оставленномъ жителями.

Аулъ состоялъ изъ крѣпости съ глинобитными футахъ въ восемнадцать высоты стѣнами, внутри которой было нѣсколько глинобитныхъ же по преимуществу зданій, хотя встрѣчались постройки изъ сырца и обожженного кирпича. Крѣпостца была только опорнымъ пунктомъ, самое же поселеніе было расположено вокругъ нея и состояло частью изъ глинобитныхъ зданій, частью же изъ кибитокъ, о существованіи которыхъ можно было заключить по значительному количеству оставшихся на поверхности земли правильныхъ окружностей. Глинобитныя зданія имѣли частью форму кибитокъ, наверху хотя и куполообразныхъ, но не сводчатыхъ, а лишь немного суживающихся кверху и потомъ забранныхъ потолкомъ изъ накатника, на который и наложенъ сверху полусферовой слой глины съ саманомъ. Кромѣ круглыхъ, встрѣчалось столько же, если не болѣе, зданій и прямоугольныхъ съ плоскими крышами, съ дверьми не болѣе полутора аршина высоты и окнами въ видѣ небольшихъ щелей. Около зданій встрѣчаются огороженные глиняными же стѣнками дворики и масса хорошо обмазанныхъ внутри той же глиной глубокихъ цилиндрическихъ ямъ, служащихъ мѣстомъ склада зерна и самана. Ямы эти частью покрыты полусферовыми глинобитными постройками, частью же совершенно открыты. Около домовъ устроено много толстыхъ глиняныхъ столбовъ съ углубленіемъ въ верхней части, служащихъ, судя по остаткамъ въ этихъ углубленіяхъ самана и зерна, яслями для лошадей. Никакой правильности въ размѣщеніи строеній не замѣтно; всякій строился повидимому тамъ, гдѣ ему нравилось и какъ ему нравилось, что впрочемъ нисколько не повліяло на крайне оригинальный видъ этого царства глины во всѣхъ видахъ и формахъ.

На поляхъ близъ аула выстроены въ разныхъ мѣстахъ три небольшихъ зданьяца, напоминающія часовенки нашихъ кладбищъ съ стрѣльчатыми дверями и окнами, пирамидальной съ четырьмя столбиками у основанія крыши, переходящей къ вершинѣ въ такой же

столбикъ. Часовенки эти сдѣланы очень тщательно, съ намеками на архитектурныя формы, и кажутся, вѣроятно вслѣдствіе какой-нибудь подмѣси къ глинѣ, нѣсколько свѣтлѣе остальныхъ построекъ. Внутри часовенекъ устроено нѣчто, напоминающее надгробные камни, что заставляетъ думать, что тутъ покоится прахъ какихъ-либо уважаемыхъ, а можетъ быть даже и почитаемыхъ за святыхъ людей.

Вокругъ аула, насколько хватаетъ глазъ, тянутся обработанныя поля, надъ которыми, вѣроятно, было пролито не мало пота, судя по тщательности устройства орошенія этихъ полей, столь необходимаго при здѣшнихъ продолжительныхъ засухахъ. Поля около аула раздѣлены на прямоугольники различной величины, отдѣленные другъ отъ друга невысокими глиняными стѣнками, и, сообразно общей покатости оазиса отъ горъ къ пустынѣ, лежатъ одно ниже другаго. Между прямоугольниками вырыты канавы, въ которыя можетъ быть пущена вода, служащая для орошенія, а чтобы орошеніе это можно было производить не сразу по всему пространству, на что, конечно, не хватитъ воды, поле внутри прямоугольника раздѣляется на небольшіе участки, отдѣленные другъ отъ друга земляными валиками около шести дюймовъ высотой. Поля вдали отъ аула глиняныхъ стѣнокъ не имѣютъ, а просто раздѣлены на части земляными валиками.

Орошеніе производятъ, запруживая въ требуемомъ мѣстѣ оросительную канаву и прорывая для воды проходъ въ валикъ лежащаго рядомъ съ канавой участка поля, который по заполненіи водой соединяютъ прорытіемъ валика съ сосѣднимъ участкомъ и т. д. Оросивши болѣе или менѣе значительный участокъ, переносятъ запруду оросительной канавы на новое мѣсто и такимъ же образомъ орошаютъ слѣдующую часть поля, причѣмъ воды каждый разъ напускается столько, что она стоитъ на орошаемомъ участкѣ сплошной лужей дюйма въ два-три глубинной.

Такъ какъ вода составляетъ здѣсь все, то нужно было ожидать, что она находится въ общинномъ владѣніи и общиной же распределяется по мѣрѣ количества и надобности, но на самомъ дѣлѣ вся вода принадлежитъ небольшому количеству семей, которыя и продаютъ ее остальному населенію оазиса, получая такимъ образомъ значительные доходы и составляя въ оазисѣ своего рода аристократію ⁽¹⁾.

На поляхъ застѣваются пшеница, ячмень, джигура (растеніе выше конопли, дающее кистеобразный плодъ съ зернами, величиной и наружностью также напоминающими конопляное сѣмя), служащая для корма скота, нѣсколько видовъ кормовыхъ травъ и громадное количество пре-

(1) Съ утвержденіемъ въ оазисѣ русскихъ, водяная монополія уничтожена.

восходныхъ арбузовъ и дынь, служащихъ лѣтомъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ главной пищей населенія. Встрѣчаются, кромѣ того, плантаціи хлопка и небольшое количество табаку.

Такъ какъ обработка земли вслѣдствіе отсутствія дождей лѣтомъ возможна здѣсь только при наличности воды, то и обработана только полоса около горъ, дающихъ начало ручейкамъ, да и эта полоса не сплошная, а съ большими перерывами. Почва этой полосы состоитъ изъ высокаго плодородія глины, не требующей удобренія. Ближе къ горамъ на поверхности лежатъ массы валуновъ. Ширина полосы отъ восьми до 15-ти верстъ.

Ограниченный съ юга Копеть-Дагомъ, оазисъ съ сѣвера замыкается песчаными барханами пустыни Кара-кумъ, гдѣ можно встрѣтить лишь тощій саксаулъ да пучки какой-то неприхотливой травы, еле цѣпляющейся своими корнями за песокъ. Ради этихъ пучечковъ травы въ періодъ дождей стоняются сюда изъ оазиса стада баранты и верблюдовъ.

Сметая песокъ въ барханы, вѣтеръ расчищаетъ между ними глиняныя площадки, на которыхъ во время зимнихъ дождей собираются лужи мутной, но вкусной воды, которой и продовольствуются приходящіе сюда стада. Черезъ Кара-кумъ пролегаютъ нѣсколько дорогъ съ находящимися на нихъ колодцами, но пуститься по этимъ дорогамъ безъ хорошаго проводника дѣло безумное, такъ какъ участки дорогъ между колодцами ничѣмъ не отличаются отъ остальной пустыни, рельефъ которой мѣняется при каждомъ вѣтрѣ.

Изъ оазиса и съ Копеть-Дага трудно проникнуть глазомъ въ пустыню, закутанную въ тихую погоду какой-то туманной дымкой, а въ вѣтряную — тучами песку. Песокъ этотъ цѣлыми тучами приносится въ оазисъ при малѣйшемъ вѣтрѣ изъ пустыни, которая будто спорить съ человѣкомъ за нищенскій завоеванный имъ клочекъ земли. Чѣмъ кончится эта борьба—сказать трудно, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что пустыня когда нибудь поглотитъ оазисъ, такъ какъ вѣтрамъ, дующимъ изъ пустыни, не препятствуетъ ничто, вѣтры же, которые могли бы смести нанесенный въ оазисъ песокъ обратно въ пустыню, задерживаются Копеть-Дагомъ.

Отъ Баши дорога наша шла на востокъ, гдѣ сквозь ночную тьму видѣлись огни нашего авангарда.

Текинцевъ въ Баши не было ни одного,—всѣ съ семействами и имуществомъ ушли или въ пески, или по направленію нашего наступленія; оазисъ встрѣтилъ насъ страшнымъ вѣтромъ, сорвавшимъ ночью

большинство палатокъ. На постели утромъ оказался слой тонкаго песку значительной толщины. Этотъ вѣтеръ преслѣдовалъ насъ почти все время пребыванія въ оазисѣ, забивая глаза, носъ и ротъ пескомъ. Отдано было приказаніе объ осторожномъ обращеніи съ бахчами и ауломъ, а также приняты были болѣе серьезныя мѣры ночнаго охраненія.

Попутру я ходилъ посмотрѣть крѣпость, которая оказалась недурной защитой противъ войскъ, не имѣющихъ артилеріи. Внутри кругомъ стѣны было устроено нѣчто вродѣ глинобитнаго валганга толщиной у подшвы около полуторы сажени, но такъ какъ стоя на этомъ валгангѣ не только стрѣлять, но и взглянуть въ поле, не сломавъ предварительного верхушки стѣны, было невозможно, то болѣе вѣроятія предположить, что текинцы просто хотѣли усилить стѣны, доведя ихъ до вышеуказанныхъ размѣровъ, но не успѣли, или намѣренно прекратили работы, сознавъ невозможность удержаться противъ насъ въ этой крѣпости—ловушкѣ, въ которой ни одинъ нашъ снарядъ не пропалъ бы даромъ. Бойницъ въ стѣнахъ не было ни одной.

Въ 5 часовъ утра 24-го августа отрядъ выступилъ изъ Баи къ аулу Беурма, находящемуся въ 12-ти верстахъ отъ перваго и занятому наканунѣ нашимъ авангардомъ, огни котораго мы отлично видѣли, подходя 23-го къ Баи. Непріятеля не было вблизи, и потому вся боевая готовность отряда выражалась тѣмъ, что надульники были сняты, охраненіе же состояло изъ нѣсколькихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ, освѣщавшихъ мѣстность впереди и съ фланговъ отряда.

Порядокъ слѣдованія сообразно съ мѣстностью былъ слѣдующій: сотня казаковъ, потомъ баталіонъ пѣхоты, верблюжіи транспортъ, артилерія между ротами, снова баталіонъ пѣхоты и сотня казаковъ. Мѣстность около Баи была усѣяна валунами различныхъ размѣровъ, что представляло нѣкоторое препятствіе быстроты движенія. Версты черезъ двѣ камни кончились и дорога пошла по обработаннымъ полямъ, жатва съ которыхъ была уже собрана. Сѣть оросительныхъ канавъ и вспаханная поверхность мѣшали двигаться съ большой быстротой, но скорость движенія все таки значительно превосходила черепаший ходъ по ущельямъ.

Въ Беурму пришли довольно рано и расположились лагеремъ въ аулѣ около крѣпости. Судьбѣ угодно было на этотъ разъ нѣсколько побаловать насъ, помѣстивъ въ районѣ расположенія роты превосходную по здѣшнимъ мѣстамъ только что отстроенную и повидимому необитаемую еще саклю, защитившую насъ на ночь отъ вѣтра, что было истиннымъ благодѣяніемъ. Беурма, подобно остальнымъ видѣннымъ потомъ ауламъ, состоитъ изъ крѣпостцы съ незначительнымъ количест-

вомъ построекъ внутри стѣнъ и съ главной массой жилищъ, разбросанныхъ около этого ядра.

Крѣпость расположена на полушаровомъ довольно обширномъ холмѣ и состоитъ изъ главной ограды со стѣнами до $2\frac{1}{2}$ сажень высоты и воротами, устроенными между двумя круглыми башнями съ наклонными бойницами въ углахъ между башнями и перемычкой воротъ. Ворота около двухъ аршинъ ширины и запираются дверью, сбитою изъ накатника деревянными нагелями безъ единого желѣзнаго гвоздя. Дверь вращается на пятѣ, что принято и во всѣхъ прочихъ постройкахъ, имѣющихъ двери, по большей части не превосходящія въ высоту одного аршина. Ни валганга, позволяющаго стрѣлять черезъ стѣны, ни бойницъ въ самыхъ стѣнахъ нѣтъ, такъ что ограда имѣетъ чисто охранительный характеръ.

Внутри главной ограды устроены редюиты со стѣнами, равными по высотѣ стѣнамъ главной ограды и также неприспособленнымъ къ оборонѣ. Въ редюитъ ведутъ ворота, совершенно похожія на ворота главной ограды. Кромѣ воротъ какъ въ главной оградѣ, такъ и въ оградѣ редюита, есть еще два-три отверстія неправильной формы. Передъ главной оградой съ сѣверной и западной сторонъ есть ровъ глубиною около полутора сажень, явившійся повидимому не какъ препятствіе, а лишь какъ источникъ для полученія матеріала, служившаго для возведенія стѣнъ. Въ планѣ крѣпость и ея редюиты имѣютъ форму окружности, соотвѣтственно очертаніямъ холма, на которомъ выстроены. На склонахъ холма между оградями и на вершинѣ его въ редюитѣ вырыто множество глубокихъ подваловъ, въ которые сложено большое количество самана. Много его найдено было еще и внѣ крѣпости въ аулѣ въ глубокихъ цилиндрическихъ ямахъ и на ближайшихъ поляхъ, сложенного въ кучи, слегка прикрытыя землей.

Вокругъ аула бахчи дынь и арбузовъ и поля, съ которыхъ повидимому недавно еще снята жатва пшеницы; посѣвовъ джугары нѣтъ.

Жители оставили Беурму повидимому съ большою поспѣшностью, чѣмъ Баи, о чемъ можно заключить по брошеннымъ кибиткамъ, посудѣ и тому подобнымъ вещамъ, хотя и не имѣющимъ цѣнности, но необходимыми въ хозяйствѣ и которыхъ въ Баи встрѣчать не приходилось. Въ числѣ брошенныхъ вещей удалось видѣть нѣкоторыя принадлежности ткацкаго станка и станка для сматыванія нитокъ, совершенно похожаго на своихъ собратій, употребляемыхъ въ русскихъ деревняхъ.

Тамъ и сямъ валялось много войлоковъ отъ кибитокъ, камыше-

выхъ циновокъ, употребляемыхъ для одежды кибитки поверхъ войлока, а также и самыхъ кибитокъ. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ были тщательно свернуты и приготовлены къ выючѣ, но потомъ брошены какъ попало, нѣкоторые же были въ порядкѣ сложены въ сакяхъ. Въ крѣпости былъ между прочимъ устроенъ небольшой заводикъ для добыванія растительнаго масла съ деревянной ступкой для раздробленія сѣмянъ, которая по своимъ размѣрамъ могла бы обратить на себя вниманіе и не въ такой безлѣсной странѣ, какъ Ахаль-теке.

Беурма была послѣднимъ пунктомъ, до котораго когда-либо доходили русскіе; всѣ же свѣдѣнія о дальнѣйшемъ пути были собраны изъ различныхъ источниковъ, провѣрить которые еще не удавалось. Впрочемъ, свѣдѣнія эти, какъ оказалось потомъ, были довольно вѣрныя, хотя и далеко не полныя. О непріятелѣ не было ни слуху, ни духу, хотя фактъ оставленія ауловъ ясно говорилъ, что отношенія наши съ текинцами далеко не мирныя, а воинственные. Характеръ обитателей оазиса заставлялъ предполагать, что столкновение неизбежно и составляетъ только вопросъ времени. Никто не хотѣлъ допустить однако, чтобы столкновение это представило для насъ что нибудь серьезное, хотя между нами и были люди, успѣвшіе на своемъ вѣку перевѣдаться съ текинцами.

25-го августа отрядъ въ прежнемъ порядкѣ выступилъ дальше по направленію къ аулу Арчманъ, до котораго, по имѣющимся свѣдѣніямъ, было около 24-хъ верстъ. Тѣ же бахчи и поля джигуры по дорогѣ и, кромѣ того, на поляхъ большое количество отдѣльныхъ башенъ, служащихъ убѣжищемъ для рабочихъ, неожиданно застигнутыхъ на поляхъ налетомъ какой нибудь шайки барантачей. Кромѣ того, отъ мѣста до мѣста встрѣчаются отдѣльные хутора, представляющіе миниатюрныя крѣпости.

По постройкамъ и расположенію ихъ Арчманъ нисколько не отличается отъ Баи и Беурмы, но значительно обширнѣе послѣднихъ и обладаетъ нѣсколькими группами деревьевъ, между которыми рѣзко выделяются видные еще издали стройные стволы пирамидальныхъ тополей.

Отрядъ расположился на ночлегъ внѣ аула, потому что въ крѣпости послѣдняго расположились нѣсколько семействъ, пришедшихъ изъ горъ нухурцевъ.

Нухуръ-ауль находится недалеко отъ Арчмана въ горахъ Копетъ-Дага. Жители этого аула рѣзко отличаются отъ остальныхъ туркменъ своимъ чисто еврейскимъ типомъ, да и по характеру, кажется, сильно напоминаютъ евреевъ, отличаясь отъ послѣднихъ значительной дозой

храбрости, безъ чего конечно и самое существованіе Нухура было бы немислимо. Какъ то уживаясь вообще бокъ-о-бокъ съ текинцами въ частности, нухурцы очень часто враждуютъ съ своими сосѣдями и никогда не прочь пристать къ ихъ врагамъ или по крайней мѣрѣ, войти съ ними въ сношеніе, если изъ этого можно извлечь какую нибудь пользу, хотя бы за это потомъ и пришлось 'разсчитываться съ текинцами своими собственными силами.

Нухурцы завязали сношенія съ отрядомъ еще во время пребыванія послѣдняго въ Бендесенѣ и доставили туда нѣсколько сотъ верблюжьихъ сѣделъ. Теперь они снова вышли къ намъ изъ горъ, отчасти вѣроятно съ цѣлью попользоваться оставленнымъ въ Арчманѣ текинцами имуществомъ, отчасти же руководимые надеждой попользоваться чѣмъ нибудь и отъ проходящихъ войскъ. Ради послѣдняго они захватили съ собой кое-что изъ аула и открыли въ Арчманѣ дѣятельную торговлю.

Предметами торга служили сыръ, чуреки (пшеничныя лепешки) и превосходный крупный виноградъ. Мѣнковой монетой служило наше размѣнное серебро, которое нухурцы брали съ большимъ удовольствіемъ, на отрѣзъ отказываясь отъ бумажныхъ денегъ. Такъ какъ дальше Беурмы, какъ я сказалъ раньше, русскіе еще не заходили, то отъ Беурмы начали составлять подробную маршрутную карту, употребляя для измѣренія длины проходимыхъ разстояній очень простой способъ. Къ сѣдлу казака привязана вымѣренная веревка, у обоихъ концовъ которой идетъ по солдату, вооруженному коломъ. Передній дѣлаетъ на землѣ черту, а задній, какъ скоро съ этой чертой поравняется его конецъ веревки, кричитъ «колъ», въ отвѣтъ на что передній дѣлаетъ новую черту. Бѣдущій рядомъ съемщикъ при каждомъ колѣ захватываетъ въ горсть одну изъ болтающихся на общемъ кольцѣ десяти проволокъ, и когда всѣ проволоки окажутся собранными въ горсть, дѣлаетъ въ книжкѣ черточку, отвѣчающую ста саженямъ. Помимо этого измѣренія, производилось еще измѣреніе прикрѣпленнымъ къ колесу одного изъ орудій адометромъ. Карта относительно разстояній оказывалась довольно точной, но на ней не было назначено очень многихъ довольно значительныхъ ауловъ.

Утромъ 26-го отрядъ выступилъ въ Дурунъ, отстоящій въ 25-ти верстахъ отъ Арчмана.

Раньше было предположено, что главныя силы соединятся съ авангардомъ 28-го, но во время перехода мы узнали, что авангардъ ждетъ насъ въ Дурунѣ, имѣлъ тамъ перестрѣлку, и что текинцы въ значи-

тельныхъ массахъ собрались въ двухъ переходахъ отъ Дуруна въ Геокъ-Тепе, гдѣ укрѣпляются и намѣреваются серьезно встрѣтиться съ нами. По слухамъ, въ Геокъ-Тепе собралось все населеніе изъ ауловъ отъ Кизилъ-Арвата до Геокъ-Тепе и дальнѣйшихъ, не исключая стариковъ и женщинъ съ дѣтьми, небольшая часть которыхъ была впрочемъ по слухамъ отправлена въ пески. Въ Геокъ-Тепе же ожидалась еще и помощь изъ Мерва.

Авангардъ дѣйствительно ожидалъ насъ въ Дурунѣ, а дѣло, которое онъ имѣлъ, заключалось въ ночной перестрѣлкѣ, причемъ у насъ раненъ одинъ драгунъ и нѣсколько лошадей.

Дурунъ, подобно прочимъ ауламъ, состоитъ изъ крѣпости и построекъ вокругъ нея, которая и заняла пѣхота, между тѣмъ какъ всю кавалерію поставили въ крѣпость, откуда ей можно было выбраться лишь выводя въ ворота по одной лошади.

Въ аулѣ много садовъ съ фруктовыми деревьями (родъ не крупныхъ сливъ), есть и виноградники. Ручеекъ, протекающій около аула, течетъ повидимому изъ сѣрнаго источника и притомъ горячаго, вслѣдствіе чего вода для питья здѣсь не особенно пріятна. Подъ вечеръ узнали откуда то, что на хуторѣ, верстахъ въ трехъ отъ Дуруна, собрались текинцы и послали туда стрѣлковъ и кабардинцевъ съ дагестанскими всадниками. Кабардинцы отправились нѣсколько раньше, такъ что къ приходу стрѣлковъ хуторочекъ былъ уже занятъ. По словамъ кабардинцевъ, текинцевъ была порядочная толпа, но драться они не стали и проворно очистили крѣпостцу. Одинъ текинецъ былъ убитъ; изъ оружія найдено было въ крѣпости три фальконета. По размѣрамъ и вѣсу они походили на наше крѣпостное ружье, но калибромъ были значительно болѣе. Замокъ у одного изъ фальконетовъ былъ, къ моему изумленію, отъ нашей старой ударной винтовки.

Ночью ждали тревоги, но ея не было, если не считать двухъ или трехъ выстрѣловъ, которыми былъ убитъ пробравшійся зачѣмъ-то къ нашимъ постамъ текинецъ.

27-го отрядъ въ полномъ составѣ выступилъ къ аулу Яронжа, куда и прибылъ безъ всякихъ приключеній. До Геокъ-Тепе остался одинъ переходъ и сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что насъ ждутъ тамъ текинцы.

Принимая во вниманіе разницу въ вооруженіи и то, что мы будемъ имѣть дѣло съ неорганизованной толпой, мало кто думалъ видѣть въ предстоящей встрѣчѣ то, чѣмъ она впослѣдствіи оказалась. Да и на самомъ дѣлѣ трудно было допустить возможность разбить себѣ лобъ о

глиняныя стѣны, за которыми стояли люди, до сего времени тщательно увертывавшіеся отъ всякой встрѣчи съ нами. Судьба рѣшила иначе.

27-го вечеромъ былъ отданъ слѣдующій приказъ по отряду.

«Командующій войсками приказалъ завтра 28-го августа выступить изъ крѣпости Яронжа въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Изъ войскъ авангарда выслать два баталіона, два горныхъ орудія и двѣ сотни дагестанцевъ въ 2 часа пополудни по пути наступленія къ Геокъ-Тепе и въ четырехъ верстахъ отъ лагеря остановиться, выслать вправо и влево разѣзды. Цѣль высылки этого отряда — прикрытіе бивака во время выючки верблюдовъ, слѣдовательно разѣзды должны бдительно наблюдать мѣстность и, въ случаѣ появленія непріятеля, немедленно давать знать авангарднымъ войскамъ и на бивакъ главныхъ силъ. Остальныя войска авангарда выступаютъ изъ лагеря въ 3 часа пополудни и, по присоединеніи къ своимъ передовымъ частямъ, слѣдуютъ дальше со всѣми военными предосторожностями. Выступать по особому приказанію. Остальнымъ войскамъ выступить въ 4 часа пополудни. При войскахъ слѣдовать верблюдамъ, навьюченнымъ водой и патронами; сухарей выдать на руки на два дня; въ кавалеріи и артилеріи ячменю взять на одинъ день.

«Весь обозъ слѣдуетъ въ общемъ вагенбургѣ позади второй колонны и выступить въ 5 часовъ. Здѣсь же слѣдуютъ больныя и ненужныя лошади.

«Въ прикрытіе къ вагенбургу назначается по одной сводной ротѣ отъ каждаго баталіона, два горныхъ орудія и сотня таманцевъ».

Приказомъ по авангардной колоннѣ для прикрытія на время выючки назначались стрѣлковый и кабардинскій баталіоны съ сотней дагестанцевъ. Прикрытію назначено выступить въ 2 ч. Въ 3 часа было назначено выступленіе, находящагося въ авангардѣ же, куринскаго баталіона съ двумя взводами саперъ, третій взводъ которыхъ шелъ съ главными силами. Каждому баталіону приказано было на 25-ти верблюдахъ поднять патроны, санитарныя принадлежности, шинели и сухари. Вагенбургъ, съ прикрывающими его войсками, было предположено оставить въ нѣкоторомъ разстояніи (восемь—десять верстъ) отъ Геокъ-Тепе въ селеніи Янчи-кала.

Была темная, безлунная ночь.

Стрѣлки и кабардинцы начали выючить съ 12-ти час. и въ часъ, вмѣсто назначенныхъ двухъ, выступили изъ лагеря. Ихъ сигналы и суматоха при выючкѣ поднимали остальныхъ, такъ что войска почти что не спали въ эту ночь, что, [конечно, не могло не отразиться на

нихъ. Куринцы, съ полуротой саперъ, выступили около 3¹/₂ час. утра и пошли, было, не по той дорогѣ, по которой нужно, но вскорѣ были направлены на настоящій путь.

Въ 4 ч. утра поднялись главные силы, но, выйдя съ бивака, не знали куда двигаться и начали бродить на-удачу, отыскивая слѣды раньше отправившихся частей. Оказалось, что стрѣлки ушли по одному направленію, а куринцы совершенно по другому, и не знаю, долго-ли продолжалось бы колебаніе между этими направленіями, если-бы явившійся проводникъ-туркменъ не вывелъ насъ на настоящую дорогу.

Времени въ этихъ шатаніяхъ прошло не мало,—было уже совершенно свѣтло, когда мы выбрались на истинный путь, верстахъ въ двухъ отъ мѣста ночлега, и вагенбургъ, тронувшійся послѣ насъ, но сразу пошедшій по настоящей дорогѣ, тутъ же нагналъ насъ и шелъ дальше все время съ нами. Особенно жалѣть о такомъ невольномъ измѣненіи порядка движенія, мнѣ кажется, было нечего, потому что предоставленный защитѣ сводныхъ ротъ вагенбургъ могъ бы потомъ, пожалуй, очутиться въ незавидномъ положеніи, а между тѣмъ у насъ тамъ было все, кромѣ части патроновъ и санитарныхъ принадлежностей. Первые шесть—семь верстъ прошли безъ всякихъ приключеній по песчанымъ сыпучимъ барханамъ. Пустыня сдавливала въ этомъ мѣстѣ оазисъ и пески эти продолжались до самаго Геокъ-Тепе, что дѣлало переходъ утомительнымъ на столько, что нѣкоторые люди валялись. Нечего и говорить, какъ нехотати мы наткнулись на подобную дорогу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда впереди отъ войскъ требовалось какъ можно болѣе свѣжести. Подайся мы на полъ или, самое большее, на три четверти версты къ Кошетъ-Дагу,—дорога пошла бы по твердой глинѣ и въ результатѣ мы были бы вдвое, если не болѣе, сильнѣе.

Верстахъ въ семи отъ Яранжи получили извѣстіе, что впереди, ближе къ горамъ, т. е. справа отъ насъ, показался непріятель. Это заставило перестроить войска въ одно общее каре, въ срединѣ котораго помѣстился вагенбургъ, и затѣмъ уже продолжать путь, имѣя возможность встрѣтить текинцевъ съ любой стороны. Перестроившись, прошли въ такомъ порядкѣ двѣ—три версты совершенно покойно. Наконецъ конные текинцы показались въ значительныхъ массахъ справа, впереди насъ, около аула Янги-кала, на мѣстности, покрытой небольшими кустиками. Оказалось, что наши разѣзды наткнулись на нихъ весьма близко и начали отступать. Текинцы назойливо настѣдали, такъ что произошло нѣсколько небольшихъ рукопашныхъ столкновеній.

Артилерія выѣхала передъ правый фась остановившагося каре, пѣхота этого фаса продвинулась нѣсколько впередъ и приготовилась встрѣтить текинцевъ, если-бъ они вздумали зарваться до каре. Казаки тѣмъ временемъ успѣли немного отойти и очистить мѣсто для дѣйствія артилеріи, а текинцы лентой охватили наше каре справа. Артилерія открыла огонь. Первые же гранаты легли отлично, и текинцы, какъ брызги воды, разлетѣлись отъ нихъ въ стороны, послѣ чего вся масса ихъ начала отступать къ горамъ.

Пѣхота тоже сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ, хоть и не думаю, чтобъ огонь ея былъ дѣйствителенъ вслѣдствіе очень большаго разстоянія (600—650 сажень по пристрѣлкѣ артилеріи).

Первое время по отступленіи текинцы думали, повидимому, зайти намъ въ тылъ, но нѣсколько гранатъ, пущенныхъ имъ на перерѣзъ, заставили ихъ оставить это намѣреніе и повернуть къ Геокъ-Тепе. Часть текинцевъ заѣхала намъ съ фронта, но все время держалась довольно далеко.

Не успѣло каре двинуться съ мѣста, какъ гулъ выстрѣловъ далъ намъ знать, что въ авангардѣ завязалось дѣло. Онъ былъ въ это время уже около Геокъ-Тепе.

Часть текинцевъ заѣхала, какъ уже сказано, намъ съ фронта, отдѣливъ такимъ образомъ насъ отъ авангарда, и скоро передъ нами разыгралась одна изъ мелкихъ, но гадкихъ трагедій войны.

Показался какой-то всадникъ, къ которому поспѣшно стали приближаться текинцы. Всадникъ сначала не обращалъ на нихъ вниманія, но скоро заметался изъ стороны въ сторону, и мы поняли, что этотъ всадникъ одинъ изъ нашихъ, посланный, вѣроятно, съ какимъ-нибудь извѣстіемъ изъ авангарда и что всадникъ этотъ отживаетъ свои послѣднія минуты. Все это было достаточно близко, чтобы хорошо видѣть, но далеко для того, чтобы помочь.

Началась травля. Всадникъ кидался туда и сюда, но смерть была со всѣхъ сторонъ и спасенія не было. Преслѣдуемый и преслѣдователи скрылись за буграми, а черезъ минуту изъ-за этихъ бугровъ выѣхали текинцы, но нашего всадника уже не было. Дойдя до этого мѣста, мы нашли тамъ голый трупъ.

Текинцы исчезли, наконецъ, совсѣмъ; дѣло въ авангардѣ, судя по звукамъ, принимало все болѣе и болѣе острый характеръ, но бугры скрывали отъ насъ все, исключая бѣлыхъ облачковъ, происходившихъ отъ разрыва нашихъ шрапнелей.

Исчезновеніе текинцевъ дало возможность проѣхать къ намъ дру-

гому посланному изъ авангарда. «У насъ началась небольшая перестрѣлка», сказано было въ запискѣ, которую привезъ онъ.

Отдаленные звуки боя заставили насъ на время забыть усталость. Шагъ сдѣлался короче, всякій спѣшилъ, какъ будто боялся опоздать. да и на самомъ дѣлѣ мы думали, что придемъ къ концу, полагая, что текинцы не могутъ держаться упорно. Мнѣніе это, вселенное въ насъ разсказами о набѣгахъ и подтвержденное только что неудавшейся текинцамъ попыткой подойти къ намъ, не покидало насъ до тѣхъ поръ, пока мы воочию не убѣдились, какъ дерутся люди, если за ними стоять ихъ жены и дѣти.

Звуки боя становились все ближе и ближе. Последній бугоръ отдѣлялъ насъ отъ сцены дѣйствія; вотъ, наконецъ, перейденъ и онъ и передъ нами открылась вся картина.

Штабс-капитанъ Чернякъ.

(Продолженіе будетъ).

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ ВЪ 1879 ГОДУ.

(Изъ дневника сапернаго офицера).

(Окончаніе) (¹).

III.

Штурмъ Геокъ-Тепе и возвращеніе изъ оазиса.

Съ мѣста нашей остановки видъ на крѣпость, ея окрестности и расположеніе войскъ представлялъ слѣдующее:

Непосредственно впереди мѣста нашей остановки протекалъ ручеекъ, который и оканчивался недалеко, доведя воду до мельницы съ устроенной около нея башней. Шагахъ въ сорока выше мельницы около вала же устроена была небольшая крѣпостца квадратнаго начертанія въ планѣ съ фасадами въ 20—25 сажень, съ воротами, защищенными башней, выдвинутой изъ стѣнъ почти на $\frac{3}{4}$ своей окружности. Къ востоку отъ этой крѣпостцы шла слегка волнистая, пересѣченная небольшими бугорками мѣстность, на которой шагахъ въ 350—400 отъ крѣпостцы расположена была перпендикулярно къ направленію Копетъ-Дага, т. е. въ направленіи съ сѣвера на югъ, одна изъ стѣнъ самой крѣпости Геокъ-Тепе, сажень около 400 длиною. Вышеупомянутая крѣпостца и мельница приходились почти противъ южнаго конца обращенной къ намъ стѣны Геокъ-Тепе, почему, подавшись нѣсколько къ югу, можно было бы видѣть другую стѣну Геокъ-Тепе, направленную параллельно Копетъ-Дагу, т. е. съ запада на востокъ. Противъ этой стѣны у западнаго ея конца, шагахъ въ двухстахъ отъ него, расположена была вторая маленькая крѣпостца такой же приблизительно величины, какъ и вышеупомянутая у мельницы. Къ востоку отъ стѣнъ этой второй крѣпостцы, параллельно южной стѣнѣ Геокъ-Тепе, тянулось поле, сплошь засѣянное

(¹) См. «Военный Сборникъ», 1887 г., № 9-й.

джигурой, такъ что открытое мѣсто противъ южной стѣны Геокъ-Тепе состояло лишь изъ полосы шаговъ въ 200 шириной, пролегающей между самой стѣной и упомянутымъ посѣвомъ джигуры.

Съ восточной стороны, по рассказамъ бывшихъ тамъ кавалеристовъ, почти противъ середины обращенной въ ту сторону стѣны Геокъ-Тепе и въ близкомъ отъ нея разстояніи (50 — 60 сажень) была расположена группа, состоящая изъ трехъ маленькихъ укрѣпленій, по типу подходящихъ повидимому къ двумъ крѣпостцамъ вышеописаннымъ.

Относительно типа и толщины стѣнъ самой Геокъ-Тепе вывести точнаго заключенія было нельзя, но изъ того, что стѣны эти не пробивались нашими снарядами, а также и изъ того, что стрѣльба производилась текинцами со стѣны, а не изъ за-нея, можно было заключить, что стѣна эта имѣетъ значительную толщину и вообще съ остальными постройками этого рода сходна лишь по матеріалу—глинѣ.

Внутри крѣпости въ сѣверной ея части видѣлся холмъ, по высотѣ значительно превосходящій стѣны. Передъ стѣнами на значительныхъ участкахъ стояли ряды кибитовъ, набитыхъ, какъ оказалось потомъ, землей. Глубина рва была въ семь-восемь футовъ и стѣна подымалась прямо со дна его, представляя, такимъ образомъ, преграду, превосходящую 20 футовъ.

Дѣйствія войскъ авангарда до прихода къ крѣпости главныхъ силъ состояли въ слѣдующемъ:

При приближеніи авангарда къ Геокъ-Тепе конные текинцы показались передъ нимъ въ значительныхъ массахъ, но, встрѣченные нѣсколькими хорошими залпами, не рисковали подъѣзжать близко и держались на значительной дистанціи, вплоть до приближенія авангарда къ находящимся передъ Геокъ-Тепе буграмъ. Тутъ текинцы рискнули было броситься на нашу цѣпь, но опять-таки были отброшены не подъѣхавъ и на 100 шаговъ, причѣмъ нужно сказать, что цѣпь была не особенно частая, а поддержки ея въ дѣло не входили.

Потерпѣвши неудачу, непріятель, спѣшившись, засѣлъ за бугры и открылъ перестрѣлку.

Дѣло началось хорошо и войска весело подвигались впередъ, когда изъ-за бугровъ показалась огромная партія пѣшихъ текинцевъ, которые, размахивая руками и подбрасывая сверху папахи, быстрыми шагами направлялись къ нашей цѣпи. Войска были повидимому далеки отъ мысли, что текинцы способны произвести атаку пѣшкомъ, и по цѣпи пронесся говоръ, что непріятель идетъ съ предложеніемъ сдаться, но, не смотря на то, цѣпь была собрана въ кучки и такъ ожидала текинцевъ.

Неизвѣстность относительно намѣреній текинцевъ продолжалась не долго, — толпа подошла ближе и можно было совершенно ясно различить кривые клинки ихъ пашекъ, которыми они размахивали. Собранная въ сомкнутыя части цѣпь открыла огонь залпами, къ чему присоединили свои залпы и роты второй линіи. Текинцы, выдержавъ три залпа, дали тылъ и побѣжали къ крѣпости. Цѣпь съ поддержками бросилась за ними и, настигнувъ у водопровода, помѣшавшаго быстрому отступленію текинцевъ, начала колотъ ихъ. По пятамъ бѣгущихъ войска подошли уже близко къ крѣпости, когда ихъ остановили сигналомъ, а текинцы на глазахъ нашихъ завалили ворота войлоками, сѣдами, набитыми переметными сумами и вообще всѣмъ, что нашлось подъ рукой. Работа эта была произведена необыкновенно живо, не смотря на сильный огонь по рабочимъ.

Прекративъ наступленіе, войска залегли передъ стѣнами и открыли перестрѣлку съ крѣпостью и въ этомъ положеніи дождались прихода главныхъ силъ, изъ состава которыхъ гренадерскіе баталіоны сейчасъ же были выдѣлены въ боевую линію и удлиннили собою ея лѣвый флангъ. Въ резервъ, такимъ образомъ, остался одинъ ширванскій баталіонъ. На лѣвый же флангъ была двинута и казачья артилерія.

Тотчасъ же по остановкѣ нашей колонны я прошелъ немного впередъ, поближе взглянуть на дѣло. При переходѣ черезъ мостикъ водопровода встрѣтился одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ и сказалъ, что раненъ командиръ нашей роты. На вопросъ, гдѣ я могу найти раненаго, онъ указалъ на стоящую въ 10-ти шагахъ крѣпостцу, сказавъ, что наши раненые подъ ея стѣнами. Шагахъ въ 20-ти вправо, гдѣ водопроводъ оканчивался у мельницы, въ мельничной башнѣ заперся текинецъ, безпрестанно стрѣлявшій оттуда. Подъ стѣной крѣпости нашелъ я раненаго Л., который сидѣлъ прикрытый башней отъ визжавшихъ по временамъ пуль. Около него лежало еще трое или четверо солдатъ стрѣлковъ и двое убитыхъ; а можетъ быть умершихъ тутъ отъ ранъ солдатъ. Л. сидѣлъ съ обвязаннымъ синимъ лицомъ, — пуля раздробила ему челюсть и по дорогѣ перешибла еще ключицу, не смотря на то онъ держался весьма бодро, благодаря конечно тому, что не могъ видѣть своего посинѣвшаго лица, при взглядѣ на которое и здоровому становилось жутко. Съ трудомъ выпуская слова изъ искалѣченнаго рта, онъ передалъ нѣкоторые распоряженія относительно роты, денегъ и т. п., сказалъ, что рота въ цѣпи на самомъ правомъ флангѣ, что при немъ было ранено только двое изъ нашихъ солдатъ, что текинцы дерутся упорно.

Оставивъ Л., я прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ за крѣпостцу.

Тамъ за стѣнками полей лежали стрѣлки, перестрѣливаясь съ засѣвшими на стѣнахъ текинцами. Огонь, какъ нашъ, такъ и непріятельскій, былъ не особенно оживленъ, потому что, благодаря хорошимъ закрытіямъ текинцевъ, стрѣлать съ увѣренностью въ успѣхъ можно было не часто, а даромъ патроновъ стрѣлки не тратили. На обратномъ пути зашелъ снова къ Л. и затѣмъ, увидѣвъ начальника штаба, попросилъ у него позволенія присоединиться со взводомъ къ ротѣ, гдѣ остался только одинъ офицеръ. Полковникъ Малама приказалъ немного подождать.

На водопроводѣ начальникъ отряда приказывалъ какому то офицеру поѣхать и предложить текинцамъ сдаться съ тѣмъ, что для жизни ихъ не будетъ опасности никакой, а женщины и дѣти сейчасъ же получатъ свободу. Последнее условіе, кажущееся излишнимъ и даже страннымъ на европейскій взглядъ, въ Азіи, гдѣ побѣдитель является полнымъ господиномъ плѣннаго, представляетъ условіе весьма существенное. Текинецъ зналъ, что врядъ-ли найдется въ Азіи такой отчаянный человѣкъ, который рѣшился бы приобрести себѣ раба-текинца, но приобрести рабыню-текинку охотниковъ нашлось бы вѣроятно не мало, а мы по азіятскимъ понятіямъ имѣли бы полное право продать своихъ плѣнныхъ и съ азіятской точки зрѣнія могли бы показаться даже крайне неразумными, еслибы не воспользовались своимъ правомъ.

Пройдя къ своимъ, я приказалъ имъ, чтобы они закусили и набрали воды въ баклажки, а затѣмъ, вернувшись къ водопроводу, получилъ и разрѣшеніе присоединиться къ ротѣ. Захвативъ отдохнувшихъ саперъ, пошелъ на правый флангъ разыскивать роту и нашелъ ее расположенной на открытомъ мѣстѣ противъ занятыхъ текинцами бугровъ. Вслѣдъ затѣмъ рота перебѣжала шаговъ на 30 впередъ, гдѣ, занявъ лощину, и оставалась до самаго штурма. Шла лѣнивая перестрѣлка. Пули изрѣдка проносились надъ нами или съ тупымъ звукомъ вбивались въ заднюю отлогость лощины. Усталость сказалась сразу, какъ только легъ. Покой доставлялъ огромное удовольствіе; особенно пріятное ощущеніе чувствовалось въ ногахъ, хотя я до сихъ поръ и не замѣчалъ, что онѣ устали. Не знаю, долго-ли продолжалась бы эта полудремота, еслибы не разыскалъ насъ Иванскій, явившійся съ котелкомъ холоднаго жаренаго мяса въ одной рукѣ и мѣднымъ чайникомъ съ горячимъ чаемъ въ другой. Стаканы и сахаръ, завернутый въ бумажку за неимѣніемъ другаго мѣста, были уложены въ котелкѣ вмѣстѣ съ мясомъ, что впрочемъ нисколько не помѣшало пить чай съ большимъ удовольствіемъ. Незадолго до 5-ти часовъ вечера было получено приказаніе черезъ пять минутъ по артилерійскому залпу идти на штурмъ.

Расположеніе войскъ въ это время было слѣдующее:

Правый флангъ боеваго расположенія занималъ куринскій баталіонъ; далѣе расположились стрѣлковыи и кабардинскій баталіоны, а лѣвый флангъ составляли два баталіона гренадеръ. Кавалерія находилась съ сѣверной и восточной сторонъ Геокъ-Тепе; артилерія же казачья и горная расположилась на лѣвомъ флангѣ, а остальная въ центрѣ и на правомъ флангѣ общаго расположенія.

Въ ожиданіи момента штурма приказано было усилить огонь. Раздался залпъ. Всѣ поднялись и начали подвигаться впередъ сначала ускореннымъ шагомъ, а затѣмъ бѣгомъ. Раздалось дружное «ура!» и не прошло, кажется, мгновенія, какъ бугры были заняты нами. За буграми открылась шедшая параллельно Копетъ-Дагу стѣна съ широкими воротами, куда теперь довольно поспѣшно бросились текинцы, занявшіе и ровъ по обѣ стороны воротъ. Часть куринцевъ и наша рота, сбѣжавъ съ бугровъ, перемѣнили фронтъ сообразно направленію стѣны и открыли огонь по толпившимся у воротъ текинцамъ, укладывая ихъ съ разстоянія 60—70 шаговъ. Броситься въ ворота было невозможно, потому что войска наши съ занятыхъ передъ тѣмъ бугровъ открыли огонь по отступающимъ, такъ что путь къ воротамъ обстрѣливался нашимъ же огнемъ.

Сама судьба покровительствовала намъ, отнявъ возможность сразу ворваться въ крѣпость. Пришлось бы драться въ тѣсныхъ промежуткахъ, между кибитками, гдѣ трудно повернуться съ ружьемъ; тѣснота произвела бы разъединеніе, и текинцы, пользуясь знаніемъ мѣстности, удобной для боя шашками, вѣроятно, изрубили бы насъ поодиночкѣ.

Войска, занявшія позицію параллельно стѣнѣ, встали вслѣдствіе этого тыломъ къ лѣвофланговому текинскому укрѣпленію и къ полю джигуры, около него посѣянной; войска же, занявшія бугры, имѣли укрѣпленіе это на флангѣ и все неудобство подобнаго положенія обнаружилось тотчасъ же, потому что насъ стали поражать затыльнымъ и фланговымъ огнемъ. Пришлось исправить ошибку, т. е. очистить отъ текинцевъ крѣпостцу и посѣвъ джигуры, чего раньше сдѣлано не было. Исполнить это было поручено ротѣ куринцевъ вмѣстѣ съ саперами. Подавшись нѣсколько назадъ, чтобы зайти съ наиболѣе доступной стороны укрѣпленія, мы пошли къ нему, но вскорѣ были принуждены отойти на старыя позиціи передъ буграми, потому что, по незначительной разности дистанцій, надъ нами рвались наши же гранаты, предназначенныя для атакуемаго нами укрѣпленія.

Въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ произошло тѣмъ временемъ слѣдующее: стрѣлки и кабардинцы добрались до рва крѣпости и частью

спустились въ него, но, вставъ лицомъ къ лицу съ отвѣсной стѣной, больше сдѣлать ничего не могли. Тогда стрѣлки и кабардинцы отступили, пробиваясь черезъ обошедшихъ ихъ текинцевъ и отбиваясь отъ наседавшихъ со стороны крѣпости. Гренадеры на лѣвомъ флангѣ встрѣтили передъ рвомъ нѣсколько рядовъ поставленныхъ въ шахматномъ порядкѣ кибитокъ, упорно защищаемыхъ текинцами; дальше этихъ кибитокъ проникнуть не могли и, потерявъ массу людей, принуждены были отступить.

Текинцы дѣятельно преслѣдовали отступающіе центръ и лѣвый флангъ и на лѣвомъ флангѣ были въ 10-ти шагахъ отъ артилеріи, которая принуждена была отстрѣливаться картечью. Для прикрытія отступленія или, вѣрнѣе, для отраженія наседавшаго непріятеля, пущенъ былъ въ дѣло послѣдній нашъ ширванскій баталіонъ, который и сдержалъ натискъ непріятеля. Все это свершилось въ 10—15 минутъ, причѣмъ легла треть всей нашей пѣхоты. Кавалерія все это время была на восточной сторонѣ крѣпости, т. е. на пути предполагавшагося отступленія текинцевъ, и вернулась къ остальнымъ войскамъ лишь поздней ночью, или, вѣрнѣе, раннимъ утромъ слѣдующаго дня.

По отступленіи нашей ротѣ приказано было идти къ крѣпостцѣ, около мельницы, внутри которой былъ расположенъ перевязочный пунктъ; туда же пріѣхалъ полковникъ князь Долгоруковъ и приказалъ привести крѣпостцу въ оборонительное положеніе, если можно успѣть засвѣтло.

Рота вошла въ укрѣпленіе и приступила къ работамъ. Крѣпостца была переполнена ранеными. Они сидѣли и лежали горюя не о своихъ ранахъ, а о своемъ командирѣ баталіона, майорѣ Сафоновѣ, который былъ также раненъ, но котораго между ними не было. Тутъ же сидѣлъ и поручикъ Невтоновъ, пытавшійся вынести своего командира и получившій въ это время ударъ, чуть не отдѣлившій голову отъ туловища. Свалившись, онъ потерялъ изъ вида Сафорова и лежалъ, пока къ нему не подошли санитары, не подобравшіе, однако, его въ виду его безнадежно страшной раны и массы болѣе надежныхъ раненыхъ. Собравъ всѣ оставшіяся силы, Невтоновъ самъ кое-какъ добрался до перевязочнаго пункта—и въ послѣдствіи благополучно выздоровѣлъ. Тутъ же сидѣлъ и заслуженный боевой капитанъ Поповъ, которому еще въ турецкую кампанію стоило только показаться въ дѣло, чтобъ его такъ или иначе зацѣпила пуля, такъ что отъ дѣла до дѣла онъ едва успѣвалъ, да и то не всегда, лишь подлечивать свои раны. Судьба и на этотъ разъ не сдѣлала исключенія—и онъ, по обыкновению, оказался на перевязочномъ пунктѣ. Больно было смотрѣть, какъ

этотъ, выдавшій виды, боецъ, какъ ребенокъ, плакалъ о гибели своего боевого товарища Сафонова, забывъ о собственной ранѣ. Всѣ раненные сильно беспокоились. То и дѣло слышались вопросы: «Что дѣлають наши?» «Что думаютъ дѣлать дальше?» и т. п.

Работа въ укрѣпленіи подходила къ концу, когда было приказано прекратить ее, а раненныхъ вынести въ вагенбургъ.

Наступила ночь, хуже которой трудно себѣ что нибудь представить. Утомленные войска были потрясены постигшей ихъ неудачей; разсавить ихъ засвѣтло хоть въ какомъ-нибудь общемъ порядкѣ не удалось и каждая часть встала сама, руководствуясь, главнымъ образомъ, тѣмъ, чтобъ быть недалеко отъ своихъ верблюдовъ. Въ результатѣ получилось что-то крайне нестройное, неспособное оказать стойкое сопротивление, еслибъ текинцамъ вздумалось ночью напасть на нашъ бивакъ. Къ нашему счастью и непріятелю этотъ день дался не даромъ и, благодаря только этому, ночь прошла безъ бѣды.

Прошлявшись часовъ до 12-ти или до часа за сборомъ раненныхъ, я утомился страшно, но спать не рѣшался, потому что обстановка вовсе не располагала ко сну. Ночь была довольно темная. Рота была расположена на западномъ концѣ вагенбурга, и для охраны этого конца мы выставили три сторожевыхъ поста. Ночью съ постовъ пришелъ унтеръ-офицеръ съ извѣстіемъ, что въ очень близкомъ разстояніи гонять громадныхъ стада баранты. Куда это пробирались текинцы, — узнать не удалось. Наконецъ, не стало никакой возможности бороться со сномъ, — глаза слипались сами собой.

Сна не пришлось ждать долго. Утренній холодокъ заставилъ, наконецъ, открыть глаза. Г. спалъ, потому что былъ въ пальто, и я началъ потихоньку вытягивать у него изъ подъ головы бурку, рассчитывая, что онъ не проснется, а я, укрывшись буркой, тоже вздремну еще. Намѣреніе это, впрочемъ, такъ намѣреніемъ и осталось. Не успѣлъ я закрыть глаза, какъ съ сѣверной стороны вагенбурга раздался выстрѣлъ, и пуля, жужжа, полетѣла черезъ вагенбургъ. «Это такъ», — мелькнуло въ головѣ, — «больше не будетъ», но, какъ будто для того, чтобъ доказать противное, вторая пуля полетѣла за первой, потомъ еще и еще. Пришлось вставать. Я прошелъ на тотъ фасъ вагенбурга, противъ котораго былъ огонь, и увидѣлъ, что на значительномъ протяженіи съ этой стороны былъ промежутокъ, охраняемый одними верблюдами.

Стало свѣтать, когда на западный край вагенбурга пріѣхали генералъ Борхъ и полковникъ Малама и начали устраивать войска для отступленія.

День не начался еще вполне, когда мы двинулись по той же до-

рогѣ, по которой шли вчера, но какая громадная разница была между этими двумя днями! Вчера мы шли полные надеждъ на счастливое окончаніе длиннаго и утомительнаго похода,—сегодня возвращались съ сознаніемъ, что всё наши труды и лишенія пропали даромъ. Что ждать насъ впереди, сказать было трудно, но хорошаго, во всякомъ случаѣ, ждать было не откуда и нужно было быть готовыми на самыя крайнія случайности.

Трудно указать всё причины нашей неудачи, но нѣкоторыя изъ нихъ прямо бросаются въ глаза.

Войска были пущены въ бой не спавши, голодными, прямо съ похода, подъ палящими лучами солнца, и это утомленіе не могло не отразиться на нихъ въ бою. Атака была поведена цѣпью на отвѣсныя высокія стѣны съ рвами впереди и захватила громадный районъ, т. е. не могла быть сильна ни въ одномъ пунктѣ. Для дѣйствія артилеріи не было поставлено никакой определенной цѣли, вслѣдствіе чего она дѣйствовала раздѣльно, не принесла и десятой доли той пользы, которую могла бы принести.

Не было произведено рекогносцировки, которая, обнаруживъ наиболѣе слабый пунктъ ограды, намѣтила бы, такимъ образомъ, пунктъ нашей атаки и способствовала бы захватить хоть небольшой участокъ стѣны, который для насъ ничего не стоило бы сейчасъ же расширить дѣйствіемъ одного нашего огня, а затѣмъ дѣйствіемъ того же огня съ занятаго участка по внутренности крѣпости мы и ее забрали бы въ свои руки, не прибѣгая ни къ какимъ другимъ средствамъ.

Не было заготовлено никакихъ приспособленій, облегчающихъ штурмъ стѣнъ, равно какъ не было образовано и рабочихъ командъ, которыя могли бы помочь атакующимъ преодолѣть эти стѣны.

Войска слишкомъ неравномѣрно были раздѣлены на боевую часть (пять баталіоновъ) и резервъ (одинъ баталіонъ), вслѣдствіе чего имъ не начто было опереться, чтобъ поддержать свой ударъ, а тѣмъ болѣе и для повторенія этого удара.

Трудно представить себѣ что нибудь хуже той обстановки, среди которой совершалось это отступленіе. Перевозочныхъ средствъ для подъема раненыхъ не было никакихъ, исключая восьми одноколокъ «Краснаго Креста», въ которыя можно было помѣстить шестнадцать человекъ. Остальные раненые передвигались на носилкахъ (это счастливыя), на орудійныхъ лафетахъ, на собственныхъ ногахъ и на верблюдахъ, едва передвигавшихъ ноги отъ усталости, причемъ не лишнее замѣтить, что и здороваго непривычнаго человѣка нерѣдко начинаетъ тошнить отъ ѣзды на верблюдѣ, какъ отъ качки судна. Помню изъ

такихъ одного кабардинца. Несчастный едва передвигалъ ноги при помощи двухъ человѣкъ; рана въ грудь была даже не перевязана, а просто заткнута комкомъ корпіи, и перевязать, не смотря на всѣ просьбы раненаго, было нельзя, потому что намъ не давали остановиться. Верблюды не развьючивались съ 12 часовъ ночи на 28-е и потому не могли двигаться какъ слѣдуетъ. Вьюкъ оставался за вьюкомъ; мы теряли провіантъ, палатки, санитарныя принадлежности—словомъ все, что было во вьюкахъ, и все это доставалось текинцамъ, слѣдовавшимъ за нами какъ акулы за невольничьимъ кораблемъ. Аріергардъ все время шелъ отстрѣливаясь; часто приходилось выдвигать впередъ артилерію, которая на минуту сдерживала наседавшаго непріятеля.

Путь нашъ шелъ на этотъ разъ ближе къ горамъ и около двухъ часовъ мы добрались до аула Янги-Кала, отойдя верстъ на 12 отъ Геокъ-Тепе.

Двигаться дальше было невозможно; верблюды не шли, люди двое сутокъ не ѣли и не спали. Душевное состояніе было не лучше физическаго. Ночь прошла безпокойно: какой то выстрѣлъ вызвалъ продолжительную стрѣльбу по всей почти нашей линіи. Видно было, что войска до тѣхъ поръ не будутъ покойны, пока время само собой не уничтожитъ причину этого безпокойства, т. е. пока не смягчится и не сгладится самое воспоминаніе о неудачѣ.

Въ Янги-Кала первый разъ случилось встрѣтиться съ сооруженіемъ, носящимъ названіе «карызъ». Карызъ есть ничто иное, какъ искусственно вызванная изъ глубины земли рѣчка, для созданія которой поступаютъ слѣдующимъ образомъ. На покатои идущей отъ горъ площади поближе къ горамъ роютъ массу расположенныхъ близко одинъ къ другому (на разстояніи трехъ—пяти сажень) колодцевъ съ днами, лежащими на одномъ уровнѣ, и колодцы эти соединяють между собой подземными галереями, идущими со дна одного колодца на дно другаго. Все это, т. е. колодцы и, главнымъ образомъ, соединяющія ихъ галереи, представляютъ громадную поверхность, съ которой выделяется почвенная вода, вслѣдствіе чего подъ землей образуется огромный водоемъ въ видѣ сѣти, узлами которой служатъ колодцы.

Твердость нижнихъ пластовъ глины позволяетъ производить всѣ указанныя работы безъ всякой обшивки, и эти то колодцы съ соединяющими ихъ галереями дали впоследствии надежду на возможность производства подъ Геокъ-Тепе минныхъ работъ безъ всякаго обшивочнаго матеріала для галерей, доставлять который къ крѣпости пришлось бы съ Кавказа или изъ Персіи, если-бы онъ не былъ заготовленъ и подвезенъ предварительно.

Надежда на грунтъ вполне оправдалась и нечего говорить, что вслѣдствіе отсутствія одежды въ галереяхъ минныя работы заняли времени въ пять или шесть разъ менѣе сравнительно съ тѣмъ срокомъ, въ который онѣ могли бы быть произведены при одѣваніи галерей. Отъ подземной соединяющей основныя колодцы карыза сѣти, принявъ за исходную точку одинъ изъ этихъ колодцевъ, роютъ новую систему колодцевъ, расположенныхъ по линіи наибольшаго паденія ската. Глубина этимъ колодцамъ дается такая, что, хотя дно каждаго колодца и лежитъ ниже дна предъидущаго, лежащаго ближе къ подземной водяной сѣти, но эта разница уровней между днами двухъ смежныхъ колодцевъ дѣлается менѣе уклона ската поверхности земли между тѣми же двумя сосѣдними колодцами. Вслѣдствіе этой разницы паденія, дны колодцевъ, расположенныхъ по линіи наибольшаго ската мѣстности, послѣдовательно болѣе и болѣе приближаются къ поверхности земли и, наконецъ, дно послѣдняго колодца отстоитъ отъ этой поверхности на четыре-пять футовъ. Отъ этой точки колодцевъ уже не роютъ, а вырываютъ сплошную канаву съ уклономъ также меньшимъ, чѣмъ уклонъ поверхности земли, вслѣдствіе чего эта канава становится все мельче и мельче и, наконецъ, сливается съ поверхностью земли, по которой и продолжается, сохраняя глубину, обыкновенно даваемую водопроводнымъ каналамъ. Колодцы, лежащіе по линіи наибольшаго ската, также соединяются между собою подземной галереей, которая вмѣстѣ съ днами ихъ мало по малу сближается съ поверхностью земли, переходя наконецъ въ вышеуказанную канаву. Такимъ образомъ, вода, выдѣленная стѣнками основныя колодцевъ черезъ наклонную галерею, соединяющую колодцы на линіи наибольшаго ската, выводится въ видъ ручья на поверхность земли и затѣмъ служитъ для орошенія полей—или, поднятая посредствомъ аквадука-вала, вращаетъ колеса мельницъ.

Выдѣляющая воду поверхность колодцевъ и соединяющихъ ихъ галерей въ нѣсколько тысячъ разъ превосходитъ поперечное сѣченіе вытекающаго изъ нихъ искусственнаго ручья, и потому теченіе послѣдняго всегда совершается съ порядочною быстротой, а уровень воды бываетъ весьма постояненъ.

Всѣ колодцы, во избѣжаніе засоренія, закрываются настилкой, на которую насыпается холмикъ земли, такъ что въ общемъ карызъ имѣетъ видъ множества скученныхъ муравейниковъ. Вытекая изъ глубокихъ пластовъ земли, вода карыза, очевидно, весьма мало подвергается вліянію надземной температуры, и потому, взятая близъ начала канавы, выводящей ее на поверхность земли, она и въ самыя сильныя жары будетъ не высокой температуры. Относительно чистоты, вода

карызовъ, очевидно, не оставляетъ ничего желать, потому что, будучи раньше поступленія въ колодцы и въ галереи профильтрована землей, она и затѣмъ, до самаго выхода на свѣтъ Божій, тщательно защищена отъ попаденія въ нее какихъ либо примѣсей или пыли съ поверхности земли. Подобныхъ карызовъ за Геокъ-Тепе и особенно вблизи Асхабата довольно много. Карызную же воду пьеть и самъ Асхабатъ, такъ какъ другой воды въ немъ нѣтъ. Карызы занимаютъ собой иногда громадную площадь, примѣромъ чему опять-таки могутъ служить карызы Асхабата. Каждый карызъ имѣетъ обыкновенно свое собственное имя, какъ напримѣръ: карызъ въ Янги-Кала назывался карызомъ Нуръ-Верды-хана.

День за днемъ тянулось наше отступленіе: верблюды падали за верблюдами, выюкъ оставался за выюкомъ. Всякій увидѣвшій насъ безъ словъ понималъ бы, что тутъ что-то не ладно: лица усталыя, угрюмыя; разговариваютъ мало, о пѣсняхъ и помина пѣть. До Дуруна мы возвращались другой дорогой, — нѣсколько ближе къ горамъ. Текинцы все время сидѣли на хвостѣ колонны — приходилось поминутно отстрѣливаться. Аулы по большей части обходили. Изъ Арчмана провожали насъ выстрѣлами, въ Сунчѣ отвели воду, но серьезнаго текинцы ничего не предпринимали. Впрочемъ, и на нихъ бой произвелъ потрясающее впечатлѣніе вслѣдствіе громаднаго числа убитыхъ и раненыхъ. Аулъ во время дѣла былъ биткомъ набитъ текинцами, которыхъ собралось тамъ болѣе двадцати тысячъ, которыя и приняли на себя весь огонь нашей артилеріи. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что потеря ихъ опредѣлялась между двумя съ половиною и тремя тысячами. Мало по малу мы начали какъ будто свыкаться съ своимъ положеніемъ, хотя положеніе это и было куда какъ некрасиво.

Хотя въ приказахъ по отряду и говорилось главнымъ образомъ лишь о томъ, что патроны необходимо беречь, такъ какъ частая стрѣльба приучаетъ непріятеля къ нашему огню, что для носки раненыхъ необходимо назначать людей, а верблюдамъ на ночь надо связывать ноги, чтобъ они не разбѣжались и т. д., но дѣло то само по себѣ состояло главнымъ образомъ въ томъ, что стрѣлять намъ было не въ кого, раненыхъ нести не начесть, а для голодныхъ верблюдовъ требовалось скорѣе что-нибудь такое, что заставило бы ихъ во время переходовъ передвигать ноги какъ слѣдуетъ, а не такъ, какъ будто-бы съ нихъ никогда и не снимались путы. Впрочемъ и все остальное питалось далеко не лучше верблюдовъ: люди получали по одному фунту сухарей, а лошади — лишь по гарнцу ячменя. По отряду началиноситься слухи, что зимовать останемся въ оазисѣ, мѣстомъ же зимовки

называли Бами или Беурму и наконецъ остановились на послѣдней, куда мы и прибыли 3-го сентября.

На другой день на горахъ показались незначительныя группы текинцевъ, всего человѣкъ около 300—400. Выслали противъ нихъ мусульманъ и казачью сотню съ ракетами. Мусульмане затѣяли перестрѣлку, ракеты же, протрясшись весь походъ за спинами казаковъ, оказались негодными и даже опасными, потому что рвались или въ станкѣ, или тотчасъ же по вылетѣ изъ него.

Послали еще горный взводъ и казаковъ. Произошло маленькое дѣльце, текинцы были прогнаны—и этимъ закончились наши подвиги въ оазисѣ, потому что текинцы массами больше не показывались.

Слухи о зимовкѣ начали переходить въ область дѣйствительности: не позволяли брать потолки съ хижинъ на дрова, брать саманъ для лошадей, рвать на бахчахъ арбузы и т. д., пока не будетъ рѣшено, что и какъ должно дѣлаться.

Къ 5-му сентября потребовали отъ частей свѣдѣнія о тяжестихъ оставленныхъ въ Бендесенѣ и Ходжа-Кала для снаряженія за ними транспорта, а 6-го въ 4 часа утра отправился и самый транспортъ, захвативъ съ собой почти всѣхъ верблюдовъ съ тѣмъ, чтобы 8-го выступить обратно изъ Бендесена въ Бами и привезти намъ все оставленное.

Дѣло о зимовкѣ рѣшено было повидимому окончательно, и мы начали уже подумывать, какъ бы поудобнѣе устроиться на новомъ мѣстѣ, когда были ошеломлены неожиданнымъ приказаніемъ, отданнымъ часа черезъ четыре-пять по уходѣ верблюдовъ. Приказаніемъ этимъ въ 12 часовъ этого же дня назначалось движеніе отряда къ Бами.

Сначала никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы можно было, отправивъ верблюдовъ безъ выюковъ, черезъ нѣсколько часовъ назначить по тому же пути движеніе отряда, лишеннаго почти всѣхъ перевозочныхъ средствъ, но фактъ остался фактомъ—и въ 12 часовъ мы выступили въ Бами.

Въ Беурмѣ получено было извѣстіе о назначеніи начальникомъ отряда генерала Тергукасова, что несказанно обрадовало всѣхъ, причемъ къ радости примѣшивалась однако и значительная доля боязни, чтобы извѣстіе это не оказалось ложнымъ. Переночевавъ въ Бами 7-го утромъ, выступили въ Бендесенъ, причемъ, по приказу, предполагалось пройти только половину разстоянія до Бендесена, т. е. до того мѣста ущелья, гдѣ въ немъ появляется рѣчка. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно было, что рѣшено остаться и укрѣпиться въ этомъ мѣстѣ ущелья. Дойдя до источника, оставались около него часа три или четыре и въ этотъ промежутокъ времени еще разъ разобранный планъ постройки

укрѣпленія въ ущельѣ и оставленія здѣсь войскъ на зиму былъ брошенъ, и мы прошли въ Бендесенъ.

На переходѣ отъ Баши до Бендесена, не смотря на продолжительный отдыхъ въ срединѣ пути, пало до полутароста верблюдовъ и брошено было слѣдовательно столько же व्यюковъ. Это яснѣе всего показываетъ, до какой степени ненадежны стали наши перевозочныя средства и до какой степени быстро таяли наши скудные запасы продовольствія, становясь ничтожныѣе съ каждымъ нашимъ шагомъ, между тѣмъ какъ надежды на скорое пополненіе нашихъ не было никакой. До Бендесена въ качествѣ не то плѣнника, не то добровольнаго нашего союзника сопровождалъ насъ текинecъ Текма-сардаръ. Текинecъ этотъ, не принадлежа къ какому либо знаменитому роду, личнымъ умомъ и храбростію достигъ того, что слово его цѣнилось въ оазисѣ и считалось чуть не закономъ. Пріѣхалъ онъ къ намъ для переговоровъ, когда отрядъ при своемъ наступленіи былъ еще въ Ходжамъ-Кала, былъ задержанъ и, двигаясь вмѣстѣ съ отрядомъ, вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ при штурмѣ своей родной твердыни. При отступленіи отряда Текма все время сопровождалъ его, но, дойдя до Бендесена, убѣжалъ, воспользовавшись первымъ случаемъ, убѣдясь повидимому, что опасность со стороны русскихъ миновала, хоть можетъ быть и на время. Съ этимъ выдающимся текинцемъ русскимъ потомъ пришлось встрѣтиться еще разъ, какъ съ однимъ изъ энергичнѣйшихъ защитниковъ оазиса и въ частности руководителемъ защиты Геокъ-Теле во время экспедиціи генерала Скобелева.

Въ Бендесенѣ простояли до 10-го сентября, исключая кавалеріи, ушедшей оттуда раньше и безцеремонно захватившей изъ встрѣченнаго на дорогѣ шедшаго къ намъ стада верблюдовъ столько, сколько ей казалось нужнымъ.

Стали поговаривать, что значительная партія текинцевъ, перейдя черезъ горы, рыскаетъ межъ Бендесеномъ и Ходжа-Кала, вслѣдствіе чего къ этой сторонѣ нашего бивака была передвинута вся наша артилерія.

Солдатамъ роздали по 120-ти патроновъ и навьючили на нихъ шинели съ мундирами, такъ какъ верблюдовъ окончательно не хватало. Въ виду того же недостатка перевозочныхъ средствъ приказано было сжечь вещи, безъ которыхъ можно было кое-какъ перебиться, какъ, на примѣръ, подстилочныя кошмы, часть боченковъ для воды и т. п. Переходъ до Ходжа-Кала прошелъ безъ всякихъ случайностей, хотя по уходѣ нашемъ изъ Бендесена явилась толпа чловѣкъ въ 40-50 текинцевъ, которые рыскали между нашими догорающими кострами.

Въ Бендесенѣ привезено было намъ навстрѣчу нѣсколько боченковъ

съ соленымъ свинымъ саломъ. Никто не хотѣлъ брать его отъ интендантства какъ по недостатку перевозочныхъ средствъ, такъ и потому, что подъ видомъ сала въ боченкахъ лежали уже сильно попорченныя разнообразныя части свиней. Интендантству приходилось сжечь это сало, но въ концѣ концовъ его все-таки приказали разобрать въ войска, и сало сожги войска, а не интендантство. Въ Ходжа-Кала простояли до 12-го сентября. Тяжело раненымъ роздали здѣсь по пяти, а легко раненымъ по три серебряныхъ рубля; раненымъ офицерамъ дали по 50-ти такихъ же рублей. Сожгли порядочное количество привезенной намъ навстрѣчу пшеничной муки и по горстямъ утопили четыре боченка пороха.

12-го сентября выступили въ Маргизъ, распрошавшись съ родниковой водой, а 13-го пришли въ Терсаканъ, гдѣ и простояли до 25-го сентября. Слухи о назначеніи начальникомъ отряда генерала Тергукасова перешли въ область дѣйствительности, и мы ждали его со дня на день.

Насчетъ пропитанія было совсѣмъ плохо: морская провизія, полученная по 10-е сентября и затѣмъ порядочно растрясенная во время отступленія, вышла вся. Фуража тоже не было, хоть раза два и привозили намъ конскихъ галетъ въ суммѣ фунтовъ по 30 на лошадь. Лошадей кормили собранными кустиками сухой полыни и, не смотря на то, что кони сами разыскивали себѣ пропитаніе, поѣдая коновязи, недоузки и даже хвосты и гривы другъ у друга, онѣ все-таки худѣли на нашихъ глазахъ. До чего дошелъ голодъ бѣдныхъ животныхъ, можно видѣть изъ того, что когда я разъ поднесъ къ мордѣ своего коня, бывшаго все-таки въ лучшемъ сравнительно съ другими положеніи, тростниковый мундштукъ, изъ котораго передъ тѣмъ курилъ два или три дня, животное захватило этотъ мундштукъ зубами, сжевало и проглотило его. Назначена была комисія для освидѣтельствованія годности верблюдовъ и о состояніи этихъ животныхъ можно заключить изъ того, что изъ бывшихъ у насъ 70-ти верблюдовъ годными найдено только шесть.

21-го сентября пріѣхалъ наконецъ такъ нетерпѣливо ожидаемый генералъ Тергукасовъ. Войска выстроились встрѣтить его передъ лагерьмъ. Обѣхавъ войска и поблагодаривъ ихъ отъ имени Его Высочества намѣстника Кавказа за перенесенный трудный походъ, генералъ сейчасъ же обѣхалъ и осмотрѣлъ весь лагерь, нагѣстилъ раненыхъ, осмотрѣлъ кухни, словомъ—сразу сдѣлался полнымъ хозяиномъ.

23-го сентября началось выступленіе эшелонами войскъ изъ Терсакана. Большинство шло прямо въ Чикишляръ съ надеждой перепра-

вѣться на западный берегъ, чтобы навсегда или по крайней мѣрѣ надолго распротиться съ Заваспійскимъ краемъ. Мы дошли только до Дузь-Олума.

Въ Дузь-Олумѣ предполагали сначала оставить всю роту вслѣдствіе большихъ работъ по укрѣпленію этого новаго передоваго нашего пункта въ степи, но оказалось, что не меньшія работы предполагаются и въ Чатѣ, куда мы и перешли 4-го октября, оставивъ въ Дузь-Олумѣ одинъ взводъ.

Не смотря на всю непривлекательность Чата, разставаться съ богѣ веселымъ по положенію и характеру мѣстности Дузь-Олумомъ было не особенно жалко, потому что громадное количество павшихъ въ окрестностяхъ верблюдовъ положительно заражали воздухъ.

Работы въ Чатѣ состояли главнымъ образомъ въ постройкѣ новаго укрѣпленія и въ проведеніи спусковъ къ Атреку, высота отвѣсныхъ береговъ котораго достигаетъ здѣсь почти 20-ти сажень. На другой день послѣ прихода въ церкви Чата, которая перевезена сюда на верблюдахъ, отслужена была панихида по убитымъ, а послѣ панихиды мы отправились навѣстить въ госпиталѣ своихъ раненыхъ.

Вмѣстѣ съ однообразными работами потянулась и однообразная до крайности жизнь. Время отъ времени приходили къ намъ изъ Чикишляра транспорты съ продовольствіемъ и фуражемъ, а мы, съ своей стороны, отправляли туда транспорты съ больными. День нашъ начинался обыкновенно въ 5 часовъ утра, въ 6 начинались работы, которыя продолжались до 11-ти, въ 12 происходилъ обѣдъ, а съ 2-хъ до 6-ти снова работы. Часовъ въ 10 вечера все уже спало.

Погода до конца октября была по большей части хорошая, хоть изрѣдка при сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ и перепадали дожди, во время которыхъ наши мокрыя палатки-убѣжища (tente-abri) представляли далеко не красивый видъ и очень плохую защиту. Около половины ноября температура замѣтно понизилась, такъ что ночью термометръ стоялъ ниже нуля. Въ палаткахъ впрочемъ были еще живыя мухи, дожившія очевидно свои послѣднія минуты, такъ какъ уже не летали, а лишь лѣниво переползали съ мѣста на мѣсто.

Около этого времени посѣтила было насъ гостья довольно непривлекательнаго характера: одинъ изъ солдатъ заболѣлъ сибирской язвой, заразившись ею, по мнѣнію докторовъ, отъ полшубка. Начали дезинфицировать солдатскія вещи хлоромъ, причемъ не обошлось безъ комическихкихъ сценъ, такъ какъ сшитыя изъ синей бумажной матеріи солдатскія брюки выходили изъ дезинфекціонной камеры бѣлыми и потомъ не сразу признавались владѣльцами за свою собственность. Дезинфек-

ція-ли или наступившіе холода прекратили заразу, но случаевъ заболѣванія болѣе не было.

Текинцы оправились повидимому совершенно и появились уже между Чатомъ и Чикишляромъ. Шайка ихъ 11-го октября напала на шедшій къ намъ изъ Чикишляра транспортъ, и такъ какъ прикрытія никакого не было, то погонщики были частью перебиты, частью же разбѣжались, а текинцы, забравъ верблюдовъ и то, что нравилось, изъ груза, остальной грузъ бросили и удрали во-свояси. Въ числѣ этого брошеннаго груза находились и предназначенныя для насъ кибитки, которыя лишь недѣлю спустя были подобраны и доставлены къ намъ; мы же въ это время не мерзли благодаря только тому, что погода стояла такая, что днемъ приходилось искать тѣни.

Появленіе текинцевъ заставило насъ занять между Чикишляромъ и Чатомъ два промежуточныхъ пункта и построить въ нихъ укрѣпленія. Вслѣдствіе этого время съ 9-го по 18-е декабря мнѣ пришлось провести на одномъ изъ такихъ пунктовъ Яглы-Олумѣ, гдѣ и былъ выстроенъ редутъ на одну роту. Гарнизонъ этого укрѣпленія предположено было смѣнять каждыя двѣ недѣли. Къ этому же времени были окончены работы въ Дузь-Олумѣ и Чатѣ и изъ Дузь-Олума наши перебравшись также въ Чатъ, а 20-го декабря ротѣ было приказано выступить изъ Чата въ Чикишляръ.

Возвращались въ Чикишляръ по новой дорогѣ, идущей съ Яглы-Олума на Караджа-Батырь и Чикишляръ. Путь этотъ короче, чѣмъ по Атреку, но лѣтомъ проходить его не легко, такъ какъ отъ воды до воды приходится дѣлать переходы въ 40 верстъ, что при жарѣ порядочно трудно. Зимой между Яглы-Олумомъ и Чикишляромъ образуются отъ дождей два озера, или вѣрнѣе двѣ большихъ лужи и переходы такимъ образомъ сокращаются. Около озеръ ночуютъ впрочемъ рѣдко: отдохнуть хорошенько около воды и идти дальше, что при умѣренной температурѣ труда не представляетъ. Путь отъ Чикишляра до Чата проходится, такимъ образомъ, въ три дня при ежедневныхъ 40-верстныхъ переходахъ. Съ появленіемъ этихъ озеръ между Чикишляромъ и Яглы-Олумомъ является рядъ туркменскихъ кочевій съ стадами баранты и верблюдовъ. Вся эта живность питается кустиками степной полыни и по цѣлымъ днямъ толчется у водоноя, и потому можно представить себѣ, во что обращаются эти лужи.

Въ Караджа-Батырь догнала насъ часть рекогносцирующей колонны, направленной изъ Чата въ Дашъ-Верды (нѣкогда населенный и орошенный проведенными изъ Атрека каналами пунктъ. Судя по разрушенности построекъ и остаткамъ каналовъ, брошенъ очень давно).

Въ Чикишляръ пришли 24-го декабря.

Чикишляръ, оставленный нами семь мѣсяцевъ тому назадъ, и Чикишляръ, какимъ мы нашли его по возвращеніи, далеки другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Тогда это было мѣсто сбора значительнаго количества войскъ, среди которыхъ терялись нѣсколько армянскихъ лавочекъ; теперь же, наоборотъ, военная жизнь почти терялась въ морѣ гешефтовъ, не смотря на то, что объектомъ всѣхъ этихъ гешефтовъ и являлся исключительно военный людъ. Увидѣнный нами Чикишляръ состоялъ изъ четырехъ улицъ, застроенныхъ лавками, лавочками и лавченками. Было выстроено нѣсколько большихъ домовъ, являлась гостинница съ номерами, устроена была далеко выдающаяся въ море пристань; соединенная рельсовымъ путемъ съ интендантскими складами, существовала телеграфная станція, почтовое отдѣленіе и прочія удобства цивилизованной жизни. 11 прекрасныхъ госпитальныхъ бараконъ и кибиточный лагерь, охватывающій все остальное, завершали эту картину. Къ нѣкоторымъ изъ офицеровъ пріѣхали жены, вслѣдствіе чего появились два-три семейныхъ дома или, вѣрнѣе, семейныя кибитки. Всѣ эти прелести, однако, нисколько не мѣшали всѣмъ скучать до одурѣнія. Какъ много выигралъ Чикишляръ въ развитіи мирной жизни, такъ-же много, если не больше, проигралъ онъ въ смыслѣ военно-опорнаго пункта. Масса лавокъ, громадный складъ запасовъ и просторно размѣщенные госпитальные бараки волей-неволей заставили занять такое обширное пространство, что находящихся въ Чикишлярѣ двухъ баталіоновъ было безусловно недостаточно для обороны всей этой растянутой линіи въ случаѣ нападенія.

Провазы текинцевъ заставили насъ встрѣтить и провести Рождество не совсѣмъ то покойно. Каждую ночь ждали появленія непрощенныхъ гостей и, въ виду невозможности встрѣтить ихъ по всей линіи нашего расположенія, пустили въ ходъ даже транспортныя арбы, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были устроены барикады. Спали нѣсколько ночей сряду не раздѣваясь.

28-го декабря полковникъ Малама съ двумя ротами, двумя сотнями и двумя орудіями предпринялъ рекогносцировку по направленію къ Дашъ-Верды, гдѣ не удалось найти ничего, кромѣ двухъ брошенныхъ ословъ и буквально горячихъ слѣдовъ текинцевъ, потому что солдаты закуривали трубки отъ оставленныхъ текинцами огней.

Изъ Дашъ-Верды полковникъ Малама прошелъ въ Караджа-Батырь и призналъ выстроенное тамъ ширванцами укрѣпленіе недостаточно сильнымъ, вслѣдствіе чего я вскорѣ и попалъ въ это укрѣпленіе.

Названіе Караджа-Батырь носить мѣсто, расположенное въ огром-

ной котловинѣ, въ центрѣ которой вырыто нѣсколько водоемовъ, наполняющихся во время зимнихъ дождей водою, стекающею съ боковыхъ покатостей котловины. Водоемы эти расположены въ 40 верстахъ отъ Чикишляра и въ 80-ти отъ Чата. Около водоема насыпанъ редутикъ, который занимается смѣняющимся гарнизономъ изъ одной роты и 16-ти казаковъ. Въ Караджа-Батырѣ, кромѣ усиленія укрѣпленія, пришлось устраивать еще и сторожевую вышку, для чего нужно было имѣть долото, пилу и гвозди. Недостатокъ этихъ матеріаловъ и инструментовъ заставилъ меня просидѣть въ Караджа-Батырѣ лишніе двѣ недѣли, пока удалось все потребное заполучить изъ Чикишляра. Вслѣдствіе присутствія воды въ Караджа-Батырѣ около него цѣлую зиму кочуютъ туркмены со своими стадами. Благодаря такому сосѣдству, къ нашей незатѣйливой пищѣ могли быть прибавлены яйца и кислое верблюжье молоко. Во время пребыванія въ Караджа-Батырѣ первый и можетъ быть единственный разъ въ жизни случилось мнѣ испытать землетрясеніе, состоявшее изъ трехъ послѣдовательныхъ волнообразныхъ ударовъ настолько сильныхъ, что на кухнѣ пища плескалась въ котлахъ. Въ Чикишлярѣ вернулся 23-го февраля. Наступила зима. Отличительные признаки ея въ этихъ краяхъ суть полное отсутствіе снѣга между Чикишляромъ и Чатомъ и жалкій снѣгъ ближе къ Дузь-Олуму; вѣтеръ иногда холодный настолько, что замораживаетъ падающій дождь и обращаетъ его въ гололедицу. Морозы достигаютъ до -10°R , что при отсутствіи дровъ довольно чувствительно.

Весной степь какъ будто оживаетъ, покрывается грубой сѣрватою растительностью, а въ наиболѣе низкихъ мѣстахъ и изумрудной тощенькой травкой. Но все это живетъ лишь до первыхъ жгучихъ лучей солнца, которыми вся степь снова обращается въ мертвую пустыню, а все живое спѣшить перебраться къ рѣчкамъ. Затѣмъ настаетъ зной, зной и зной.

Генераль Тергукасовъ уѣхалъ отъ насъ въ началѣ зимы и мѣсто его занялъ генераль Муравьевъ. Въ концѣ зимы начали носиться слухи о назначеніи начальникомъ отряда генерала Скобелева.

Штабс-капитанъ Чернякъ.